

К.С. ПАКАТ

18+

И ТЬМА ВЗОЙДЁТ

ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ПЛЕНЁННЫЙ ПРИНЦ» и «ФЕХТОВАЛЬЩИКИ»

Темное восхождение

К. С. Пакат

И тьма взойдёт

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

Пакат К.

И тьма взойдёт / К. Пакат — «Эксмо», 2021 — (Темное восхождение)

ISBN 978-5-04-159449-7

Герои древних сказаний мертвы. Великие битвы между Светом и Тьмой забыты. Лишь Хранители помнят о них – и веками ждут, когда вернётся Тёмный Король. Ибо тогда пробьёт их час, ведь человечеству больше не на кого будет надеяться. Шестнадцатилетний юнга Уилл бежит от людей, убивших его мать. Когда старый слуга рассказывает, что его предназначение – сражаться бок о бок с Хранителями, Уилл становится частью совершенно другого мира. Мира, где существует магия. Мира, где Уилл должен тренироваться до изнеможения, чтобы сыграть ключевую роль в надвигающейся битве с Тьмой. Пока Лондон ждёт возвращения Тёмного Короля, а юные воины Света и Тьмы ищут своё место в грядущей войне, герои и злодеи из старых легенд возвращаются, чтобы снова встретиться на поле боя. И в душах их пробуждаются давние пристрастия, давняя вражда... и пламя любви, что сильнее вечности. Второе отредактированное издание с дополнительными материалами.

УДК 821.111-312.9(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-159449-7

© Пакат К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	54
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

К. С. Пакат

И тьма взойдёт

© Анна Сешт, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Пролог

Лондон, 1821

– Приведи его в чувство, – велел Джеймс.

Суровый моряк быстро поднял деревянное ведро, которое держал в руках, и выплеснул содержимое в лицо мужчины, безвольно повисшего перед ними на цепях.

Вода хлестнула пленника, и он пришёл в себя, кашляя и хватая ртом воздух.

Даже мокрый, избитый и закованный, Маркус держался с благородством, словно доблестный рыцарь на выцветшем гобелене.

«Высокомерие Хранителей», – подумал Джеймс.

Оно витало в воздухе, словно вонючие речные миазмы, несмотря на то, что Маркуса обездвигили и заковали в трюме грузового судна Саймона Крина.

Изнутри корабль походил на китовую утробу из дерева: с низким потолком, без окон. Свет давали только две лампы, которые моряки подвесили около часа назад, когда притащили пленника. Снаружи всё ещё было темно, хотя Маркус не мог об этом знать.

Маркус моргнул мокрыми ресницами. С прядей тёмных волос, упавших на глаза, стекала вода. Изодранные одежды ордена с белой звездой на груди потемнели от грязи и крови.

Джеймс видел, как нарастал ужас в глазах Маркуса, когда тот понял, что всё ещё жив.

Он знал. Он знал, что его ждёт.

– Итак, Саймон Крин оказался прав насчёт Хранителей, – проговорил Джеймс.

– Убей меня, – голос Маркуса звучал хрипло, словно, увидев Джеймса, он в полной мере осознал, *что* происходило. – Убей меня, Джеймс. Прошу. Если ты хоть что-то испытывал ко мне.

Джеймс отослал моряка, стоявшего рядом, дождался, пока тот уйдёт, пока смолкнут все звуки, кроме шума воды и скрипа дерева, и они с Маркусом останутся наедине.

Руки пленника сковали за спиной, не позволяя толком удерживать равновесие. Он неловко повис на цепях, которые крепились к четырём железным brackets¹ корабля и надёжно удерживали Маркуса. Взгляд Джеймса скользил по массивным железным звеньям.

– Все эти обеты. Да ты и не жил никогда по-настоящему. Разве тебе не хотелось быть с женщиной? Или с мужчиной.

– Вроде тебя?

– Эти слухи, – ровно проговорил Джеймс, – лживы.

– Если ты когда-нибудь испытывал хоть что-то к кому-то из нас...

– Ты отстал от стада, Маркус.

– Умоляю...

Пленник произнёс эти слова так, словно в мире существовал некий кодекс чести, словно стоило только обратиться к светлой стороне человека – и добро восторжествует.

Джеймс был по горло сыт этим лицемерным самодовольством.

– Что ж, тогда умоляй меня. На коленях умоляй, чтобы я убил тебя. Давай же.

Он не предполагал, что Маркус так и поступит, но тот в самом деле опустился на колени. И скорее всего, ему это даже нравилось – преклонить колени в акте мученического самопожертвования. Маркус был Хранителем; он всю свою жизнь провёл, соблюдая обеты и следуя правилам, веря в понятия вроде благородства, истины и добра.

¹ Бракета – пластина прямоугольной или иной формы, служащая для подкрепления балок судового набора или соединения их между собой. (Здесь и далее прим. пер.)

В цепях, без возможности удержать равновесие руками, Маркус двигался неловко; это было унижительно, но он всё-таки с трудом принял новую позу, склонив голову и раздвинув колени на досках.

– Прошу, Джеймс. Прошу тебя. Ради того, что ещё осталось от Хранителей.

Джеймс посмотрел сверху вниз на его склонённую голову, на измученное, но всё ещё красивое лицо человека, сохранившего достаточно наивности, чтобы на что-то надеяться.

– Я останусь верен Саймону, – сказал Джеймс, – и буду рядом с ним, когда он прервёт весь род Хранителей. И не остановлюсь до тех пор, пока в вашем Чертоге не останется никого, пока последний ваш светоч не померкнет. А когда придёт тьма, я буду стоять по правую руку от того, кто станет править всем, – голос Джеймса не дрогнул. – Думаешь, я что-то испытывал к вам? Ты забыл, кто я.

Маркус поднял взгляд, и его глаза сверкнули – единственным предупреждением. Хранитель дёрнулся, призвав всю свою силу; его мышцы напряглись, бугрясь, оковы впились в плоть... На один ужасный миг железо застонало, поддаваясь...

Маркус с болью застонал – тело подвело его. Джеймс коротко, с облегчением рассмеялся. Хранители были сильны. И всё же недостаточно.

Маркус тяжело дышал. Его взгляд горел гневом, но под покровом гнева таился страх.

– Ты не правая рука Саймона, – проговорил он. – Ты лишь жалкий червь. Лизоблюд. Скольких из нас ты убил? Сколько ещё Хранителей погибнет из-за тебя?

– Все до единого. Останешься только ты.

Лицо Маркуса стало пепельно-серым, и на миг Джеймсу показалось, что тот снова будет умолять. О, Джеймсу бы это понравилось. Но в тягучей тишине Маркус просто смотрел на него. Что ж, пока хватит. Маркус ещё *будет* умолять, прежде чем всё закончится. Джеймсу даже провоцировать не придётся – нужно просто немного подождать.

Маркус будет умолять, но никто не придёт ему на помощь, никто не найдёт здесь, на корабле Саймона.

Удовлетворённый, Джеймс развернулся и направился к деревянному трапу, ведущему на палубу. Он уже занёс ногу над первой ступенькой, когда за спиной раздался голос Маркуса:

– Мальчик жив.

Джеймс ощутил жгучую досаду оттого, что эти слова заставили его остановиться. И всё же он удержался: не обернулся, не посмотрел на Маркуса, не заглотил наживку. Поднимаясь по трапу, он ответил спокойно и ровно:

– Именно в этом заключается ваша проблема, Хранители. Вам всегда кажется, что надежда ещё есть.

Глава 1

Три недели спустя

Уилл увидел Лондон впервые ещё до восхода солнца – угольно-чёрные силуэты на фоне чуть более светлого неба, лес мачт на реке и подъёмные краны, строительные леса, трубы и дымоходы.

Доки просыпались. Двери первого склада на левом берегу были отперты и широко распахнуты. Там собрались мужчины, которые выкрикивали свои имена в надежде получить работу; другие уже сидели в мелководных лодках, сматывая верёвки. Старший помощник в атласном жилете приветствовал бригадира. Трое детей в закатанных штанах копались в грязи в поисках медного гвоздя или небольшого кусочка угля, обрывка верёвки или обломка кости. Женщина в тяжёлых юбках сидела на ящике и громко перечисляла сегодняшние товары.

Речная баржа неспешно скользила по чёрной воде. Уилл высунулся из-за связанных между собой бочек рома, готовясь спрыгнуть на берег. Ему поручили проверить верёвки, которыми стянули бочки, чтоб те не скользили, а затем сделать на канатах петли или же просто навалиться всем весом, чтобы помочь разгрузить судно. В отличие от большинства портовых рабочих, Уилл не отличался крепким, точно вол, телосложением, но он был трудолюбив, и его способностей хватало, чтобы тянуть бочки и закидывать мешки в телегу или лодку.

– Впереди причал, пристаём! – крикнул Эбни, хозяин баржи.

Уилл кивнул и подхватил верёвку. Сперва – утренняя работа по разгрузке, потом – перерыв на полчаса. Рабочие обычно проводили свободное время за курением трубок и употреблением спиртного. Мышцы юноши уже болели от натуги, но он знал, что скоро войдёт в ритм, встроится. Наградой же за труд служили чёрствая краюха хлеба, корка сыра и гороховый суп из котла. Уилл уже с нетерпением ждал конца дня, представляя согревающий вкус похлебки и радуясь, что перчатки без пальцев уберегали руки от холода.

– Приготовить верёвки! – выкрикнул раскрасневшийся от спиртного Эбни, который держал ладонь на ближайшем из канатов, прямо рядом с одним из узлов Уилла. – Креншоу хочет, чтоб мы разгрузили баржу до полудня.

Команда баржи резво взялась за дело. Остановить тридцатитонное судно с помощью одних только течений и шестов тяжело и в дневном свете, а уж в темноте – тем более. Ткнёшь слишком быстро – и длинные жердины сломаются, слишком медленно – и баржа врежется в пристань, дерево треснет. Матросы лихтера погружали шесты в речной ил и наседали, противодействуя всей массе судна.

– Отдать швартовы! – прозвучала команда. Теперь нужно было закрепить баржу у причала, прежде чем начать разгружать.

Баржа замедлила ход и постепенно остановилась, чуть покачиваясь на тёмной воде. Матросы убрали шесты и бросили швартовые концы, потом как следует натянули верёвки и завязали крепкие узлы.

Первым с баржи спрыгнул Уилл и закрепил свой канат на швартовочном столбе, помогая тем, кто остался на палубе, притянуть баржу поближе к причалу.

– Бригадир сегодня будет пить с торговцем, – сказал Джордж Мёрфи, ирландец с пышными бакенбардами, который тянул канат вместе с Уиллом. Об этом говорили все в доках – о работе и как её получить. – Может, предложит нам поучаствовать в новом дельце, если тут хорошо справимся.

– Когда выпьет, он, конечно, в ударе, но вот удар этот обычно мимо, – ответил Уилл, и Мёрфи добродушно хмыкнул. Как правило, Уилл ничего не комментировал.

– Думаю, пересекусь с ним опосля, погляжу, может, наймёт меня, – сказал Мёрфи.

– Это в любом случае лучше, чем стоять у ворот, надеясь, что дадут работу на денёк, – согласился Уилл.

– Может, даже мясца перепадёт в воскресенье...

Щёлк!

Уилл повернул голову как раз вовремя, чтобы заметить, как один из канатов сорвался и взметнулся в воздух.

На этом судне перевозили тридцать тонн груза: не только ром, но и пробковое дерево, ячмень и порох. Верёвка, соскользнувшая с железных колец, высвободила всё это, прорвав холст, и бочки покатались по причалу, кувыркаясь и громыхая. Мёрфи стоял прямо у них на пути.

«Нет»!

Уилл бросился на Мёрфи, оттолкнув его в сторону от каскада бочек, и принял удар одной на себя. Зубы клацнули, плечо вспыхнуло от боли. Тяжело дыша, юноша приподнялся, глядя на потрясённое лицо Мёрфи, и почувствовал прилив дикого облегчения – мужчина оказался в полном порядке, разве что шапка слетела, обнажив примятые волосы над бакенбардами. А потом оба осознали весь ужас происходящего.

– Тяните! Ташите их из воды!

Рабочие вокруг ныряли, отчаянно пытаясь спасти груз и выталкивая бочки на галечный берег. Уилл тоже прыгнул в реку, стараясь не обращать внимания на повреждённое плечо, но гораздо сложнее оказалось игнорировать вспыхивавшие перед глазами образы: как сорвался канат, как Мёрфи стоял прямо на пути бочек. Груз ведь мог убить его. Уилл постарался сосредоточиться на задании. Интересно, насколько сильны повреждения? Пробковое дерево всплыло, бочки с ромом как следует закупорили, а вот селитра растворялась в воде. А ведь ещё был порох – не отсырел ли он намертво?

Каково это – потерять полную баржу пороха? Неужели всё дело Креншоу, всё его богатство в буквальном смысле пошло ко дну?

В доках случалось всякое. Только на прошлой неделе Уилл видел, как ломовая лошадь, тянувшая баржу по каналу, внезапно понесла в сторону, сорвав канаты и перевернув судно. А Эбни рассказывал, как лопнула цепь, убив четверых рабочих и отправив на дно груз угля. У Мёрфи не хватало двух пальцев из-за неудачно поставленных ящиков. Каждый докер понимал, что такова повседневная реальность: кто-то пытался сэкономить, кто-то – схалтурить.

– Чёртова верёвка соскользнула! – выругался Беккет, пожилой рабочий в коричневом жилете, застёгнутом под горло, и указал на порванный канат. – Во, – затем повернулся к Уиллу, который стоял ближе всех. – Эй ты, принеси-ка ещё верёвки и лом, чтоб вскрыть эти бочки, – старик кивнул в сторону склада. – И побыстрее. Чем больше потеряем времени – тем меньше заплатят.

– Да, мастер Беккет, – ответил Уилл, прекрасно понимая, что лучше не спорить.

Старик уже повернулся к нему спиной и отдавал распоряжения остальным возвращаться к работе и нести мешки и ящики в обход стоявших на берегу бочек, с которых стекала вода.

Уилл поспешил к складу.

* * *

Склад Креншоу, одно из множества больших кирпичных зданий, выстроившихся вдоль берега, заполняли товары в бочках и ящиках. Они лежали здесь ночь-другую, прежде чем попасть в гостиные, на обеденные столы или в чьи-то курительные трубки.

Воздух внутри оказался холодным и до тошноты вонял серой из жёлтых баков, шкурами, сложенными в стопки, и приторно-сладким ромом в бочонках. Уилл уткнулся носом в рукав, когда сильный до рези в горле запах специй, которых он никогда не пробовал, перебил даже

аромат свежего табака, сложенного там же. Пару недель назад им пришлось таскать ящики на складе вроде этого, после чего Уилл кашлял несколько дней, с трудом скрывая это от бригадира. Юноша уже привык к вони реки, но от запахов смолы и спиртного у него слезились глаза.

Рабочий с аляповатым ярким платком, повязанным вокруг шеи, укладывал брёвна, но при виде Уилла остановился.

– Ты чего, потерялся?

– Беккет послал меня за верёвкой.

– Там поищи, – рабочий ткнул большим пальцем за спину.

В дальнем конце склада рядом с несколькими старыми бочками и грудой пропахших смолой канатов Уилл нашёл лом, подхватил его и огляделся в поисках запасного мотка верёвки, который можно перекинуть через плечо и отнести обратно на баржу.

Рядом ничего не наблюдалось, как и за бочками. А вот слева виднелся какой-то предмет, полуприкрытый белой тканью. Может, там? Уилл протянул руку и стащил пыльное полотно. Ткань соскользнула на пол.

Материя скрывала прислоненное к ящику с грузом зеркало, отлитое из металла – явно старинное, артефакт древней эпохи, когда отражающие поверхности ещё не делали из стекла. Искривлённое, испещрённое прожилками, оно разбивало отражение Уилла на разрозненные части: мутные пятна бледной кожи и тёмных глаз. «Здесь тоже ничего», – подумал он и собирався уже вернуться к поискам, когда что-то внутри зеркала привлекло его внимание.

Вспышка.

Уилл резко обернулся, решив, что увидел в отражении чьё-то движение за спиной, но там никого не оказалось. Странно, неужели почудилось? Этот конец склада пустовал, лишь длинные безлюдные коридоры тянулись между сложенными ящиками. Юноша снова посмотрел в зеркало. Матовая металлическая поверхность потускнела от времени и местами покоробилась, так что едва позволяла разглядеть контуры собственной фигуры. Однако в замутнённой глубине всё ещё виделось движение.

Отражение менялось.

Уилл замер и уставился в зеркало, не решаясь даже вздохнуть. Смутные очертания на металле преобразались у него на глазах, складываясь в колонны и широкие открытые пространства... Это казалось совершенно невозможным, и всё же это происходило. В матовой поверхности отражалось какое-то древнее место. И никого, чтобы остановить Уилла, велеть ему не приближаться, не вглядываться сквозь годы.

Там, внутри зеркала, была женщина. Её он увидел первой, или, по крайней мере, так ему показалось, а потом уже разглядел огонёк свечи. Волосы незнакомки оказались заплетены в косу, перекинутую через плечо, и спускались до самого пояса, мерцающая золотом в огоньке свечи. Она что-то писала на страницах книги с ярким цветным обрезом. Заглавные буквы украшали крошечные фигурки. Снаружи царилась ночь. В комнате виднелся балкон со сводчатым потолком и несколькими ступеньками, которые – откуда-то Уилл знал точно – вели в сады. Он никогда не видел этого помещения, но откуда-то помнил сочную зелень, ночные запахи и тёмные колышущиеся силуэты деревьев. Инстинктивно юноша подался вперёд, чтобы разглядеть отражение чуть лучше.

Женщина перестала писать и вдруг повернулась к нему.

Она смотрела прямо на Уилла мамиными глазами. Он поборол невольное желание отступить на пару шагов.

Незнакомка направилась к нему, пока не подошла вплотную, на расстояние вытянутой руки. Платье шлейфом тянулось за ней. Уилл видел подсвечник со свечой в её руке и яркий медальон на шее, и даже мог бы разглядеть собственное лицо в её глазах – маленькое, как трепещущее пламя свечи, двойное мерцание.

Но вместо этого увидел в глазах женщины отражение зеркала, серебряного, нового.

Того же самого, в которое смотрел сам Уилл.

– *Кто ты?* – раздался голос.

Он отпрянул, споткнулся и только в тот момент с досадой понял, что вопрос, конечно же, донёсся не из зеркала, а из-за спины. Один из складских рабочих подозрительно оглядывал застывшего юношу, подняв лампу.

– А ну-ка марш работать!

Уилл моргнул. Перед ним снова простирался склад с отсыревшими ящиками, унылый и обычный. Сады, высокие колонны и леди в зеркале исчезли. Как будто заклинание разрушилось. Или всё это ему только привиделось? Может, из-за запахов на складе? Хотелось немедленно потерять глаза, может, даже поймать тот образ, который он видел только что. Но зеркало стало просто зеркалом, отражающим обычный мир вокруг. Видение в нём исчезло – фантазия, грёза или просто игра света.

Сбросив оцепенение, Уилл заставил себя кивнуть и выговорить:

– Да, сэр.

Глава 2

Бездельничанье перед зеркалом на складе обошлось Уиллу в три недели урезанного заработка и понижением. Теперь он выполнял самые тяжёлые работы в доках, но заставил себя пройти через это, хотя мышцы горели, а живот сводило от голода. Первые три дня пришлось заниматься дренажными работами и таскать грузы, затем разжалованного юношу отправили крутить кабестан². Вместе с шестью другими рабочими – каждый намного крупнее самого Уилла – он с трудом крутил ворот, поднимавший гигантские контейнеры по восемнадцать футов. С ноющими от усилий ногами он каждый вечер возвращался в переполненную ночлежку, слишком измождённый, чтобы даже подумать о видении в зеркале. Сил хватало только на то, чтобы рухнуть на грязный соломенный тюфяк и уснуть.

Уилл не жаловался. Креншоу всё ещё был в деле. Уилл хотел эту работу. Даже с заниженным заработком трудиться в доках лучше, чем копаться в мусоре. Хотя при приезде в Лондон приходилось перебиваться и такой скудной добычей. А иногда даже выпрашивать объедки. Спустя несколько дней Уилл научился собирать обгоревшие окурки сигар, высушивать их и продавать докерам табак для трубок. Они-то и рассказали, что в доках любой может получить чёрную работу, если только готов работать как следует.

Уилл закинул в кучу последний мешок ячменя. К тому моменту многие ушли – колокол уже прозвенел. Выдался изнурительный день работы в двойном темпе без перерывов, чтобы наверстать упущенное, так как баржа пришла слишком поздно. Солнце уже садилось, на берегу осталось мало людей, и последние из них как раз заканчивали работу.

Требовалось только отметиться у бригадира, и вечер свободен. Можно отправиться на главную улицу, где собирались продавцы еды, предлагая рабочим перекусить по разумной цене. Уилл трудился допоздна и, скорее всего, уже пропустил свою порцию горохового супа, но у него ещё оставалась последняя монетка, чтобы купить горячий картофель в мундире – как раз достаточно, чтобы заправиться до завтра.

– Бригадир вон там, – Мёрфи указал подбородком вперёд, вверх по течению.

Уилл бросился туда, чтобы успеть перехватить бригадира прежде, чем тот уйдёт. Юноша повернул за угол, попрощавшись с Беккетом и последними рабочими, которые уже побрели в сторону кабака. Он шагал вдоль берега; под ногами хрустела галька. Вдалеке продавец каштанов зазывал докеров купить его товар. Бородатое лицо мужчины казалось багровым в отблесках огня, мерцавшего сквозь щели на дне печки.

Только теперь, дойдя до пустой пристани, Уилл огляделся и понял, где оказался.

Уже почти стемнело. На улицах зажигали масляные лампы с едва трепетавшим пламенем, но на причале никого не было. Лишь доносился плеск чёрной воды и далёкие сигналы дренажной лодки, которая медленно скользила по каналу к реке и вылавливала всё, что можно найти. На пристани ни души...

...за исключением троих мужчин у старой верейки³, полускрытой тёмным настилом.

Уилл не мог сказать, в какой момент ощутил острую тревогу, или что именно ее вызвало. Бригадир исчез. Вокруг не было никого, кто мог бы услышать крик о помощи. Трое мужчин вылезали из лодки.

Один из них посмотрел вверх – прямо на Уилла.

«Они нашли меня».

² Кабестан – вид лебёдки, механизм для передвижения тяжёлых грузов. Представляет собой вертикальный ворот. При вращении цепь или канат наматывается на вертикальный вал.

³ Верейка – небольшая узкая лодка, традиционно использовавшаяся в Англии для перевозки пассажиров через реку или канал.

Юноша понял это сразу, увидев целеустремлённые взгляды незнакомцев. Они вылезли из верейки и разошлись в стороны, чтобы преградить ему путь.

Сердце ушло в пятки.

Как? Почему они здесь? Чем он выдал себя? Уилл всегда держался особняком, прятал глаза и носил перчатки без пальцев, чтобы скрыть шрам на правой ладони. Иногда приходилось тереть его, чтобы пальцы оставались подвижными, но беглец делал это осторожно, чтобы никто не увидел. По опыту он знал, что даже самые незаметные жесты могут выдать его.

Может, на этот раз виноваты сами перчатки? А может, Уилл просто проявил беспечность: неприметный мальчишка в доках оказался не таким неприметным, как он рассчитывал.

Юноша отступил на шаг.

Деваться было некуда. За спиной раздался шум: ещё две незнакомые призрачные фигуры преграждали путь. Они двигались слаженно, расходясь в стороны, чтобы пресечь попытку к бегству.

Все это уже стало знакомым до тошноты. Часть его новой жизни, как и воспоминания о моменте, когда Уилл увидел мать лежащей на залитой кровью земле. Как и необходимость месяцами скрываться, не понимая, почему её убили и чего теперь хотят от него. Он помнил последнее слово, сказанное ему матерью:

«Беги».

Уилл припустил к единственному выходу, который видел: слева от склада громоздились ящики. Прыгнув на один из них, юноша с отчаянием подтянулся. Кто-то схватил его за лодыжку, но он предпочёл не обращать внимания. Предпочёл не обращать внимания на дрожь и на то, как в панике колотилось сердце. Недавнее горе уже не затмевало разум. Уилл уже не был так наивен, как в те первые ночи, когда ещё не знал, куда бежать, где спрятаться, как избегать дорог или что случится, если он позволит себе довериться кому-то.

«Беги».

Юноша приземлился в грязи с другой стороны. Нет времени расслабляться. Нет времени сориентироваться. Нет времени оглядываться.

Он поднялся и побежал.

«Зачем? Зачем они меня преследуют?»

Шлёпая по мокрой грязной улице, Уилл слышал позади мужские крики. Пошёл дождь, и он бежал вслепую, сквозь сырую темноту, поскользываясь на влажных булыжниках. Вскоре одежда насквозь промокла и бежать стало труднее. Дыхание перехватывало.

Уилл хорошо ориентировался в лабиринте припортовых переулков, которые постоянно строились и перестраивались – хаос из строительных лесов, новых зданий и новых дорог. Он побежал туда, надеясь оторваться от преследователей или сбить их с толку, спрятаться, чтобы те пробежали мимо. Уилл нырял и петлял между досками и подпорками, пока не услышал, как мужчины замедлили шаг и разошлись, пытаясь найти беглеца.

«Нельзя дать им понять, что я здесь».

Очень тихо Уилл проскользнул между подпорками и оказался за строительными лесами, которые, точно лестница, вели в наполовину готовое здание.

Чья-то рука схватила юношу за плечо, потом сжала локоть. Чужое горячее дыхание обдало ухо.

«Нет...»

Сердце бешено колотилось. Уилл отчаянно рванулся вперёд, но перестал дышать, когда влажная ладонь зажала ему рот...

– Стой, – едва различимый из-за дождя голос мужчины заставлял стыть в жилах кровь. – Стой. Я не один из них.

Уилл едва разобрал слова и приглушённо замычал под тяжёлой ладонью чужака. «Они здесь. Они здесь. Они поймали меня...»

– Стой, – сказал мужчина. – Уилл, ты меня не узнаёшь?

«Мэтью?» – едва не выпалил он, узнав голос в ту секунду, когда услышал своё имя.

Силуэт одного из преследователей с реки стал чётче. Уилл понял, что раньше видел этого человека, и замер, не веря своим глазам. Мужчина медленно отнял руку от его рта. Полускрытый пеленой дождя рядом стоял Мэтью Оуэнс – мамин слуга, работавший в их старом доме в Лондоне. Их первый дом, их первая жизнь... А потом они стали переезжать с места на место, чем неприметнее и запущеннее, тем лучше. Мама никогда не объясняла почему, но всё больше тревожилась, опасалась незнакомцев и пристально следила за дорогой.

– Нужно вести себя тихо, – чуть слышно сказал Мэтью. – Они всё ещё там.

– Ты с ними заодно, – бросил обвинение Уилл. – Я видел тебя у реки.

Уже много лет он не встречал Мэтью, а теперь их старый слуга не просто здесь, а преследовал бывшего хозяина от доков или, может, от самого Боухилла...

– Я не один из них, – повторил мужчина. – Они только так думают. Твоя мать послала меня.

И снова его охватил страх. «Моя мать погибла... – Вслух Уилл этого не сказал, глядя на седые волосы Мэтью, на его голубые глаза. Этот человек был до боли знакомым, и рядом с ним Уилл поймал себя на совершенно детском желании очутиться в безопасности – сродни желанию услышать утешение родителей, когда поранишь руку. Юноша хотел, чтобы Мэтью рассказал, что же происходит, но детское узнавание наталкивалось на холодную реальность жизни в бегах. – Мы знакомы, но это не значит, что я могу ему доверять».

– Они идут по твоему следу, Уилл. Нигде в Лондоне ты больше не будешь в безопасности, – тихий голос Мэтью звучал настойчиво в темноте под строительными лесами. – Ты должен пойти к Хранителям. Яркая звезда по-прежнему сияет, даже когда восходит тьма. Но поторопись, иначе враги найдут тебя и мгла поглотит всех нас.

– Я не понимаю, – сказал Уилл. Слова Мэтью казались полной бессмыслицей. Что за Хранители? Яркая звезда? – Кто эти люди? Почему они преследуют меня?

Старый слуга вынул из кармана жилета какой-то предмет с таким видом, словно делал нечто чрезвычайно важное, и протянул юноше.

– Возьми. Он принадлежал твоей матери.

«Моей матери?» Страх внутри боролся с желанием, почти болезненным, взять этот предмет. Перед глазами возникло отчётливое воспоминание о тех ужасных последних мгновениях, когда мать смотрела на сына снизу вверх и кровь заливала её синее платье.

«Беги».

– Покажи это Хранителям. Они знают, что делать. Только они и знают. Обещаю, они ответят на все твои вопросы. Но времени мало. Я должен вернуться до того, как меня хватятся.

Снова это незнакомое слово. *Хранители*.

Мэтью положил предмет на одну из досок и отступил, словно прекрасно понимал, что Уилл не возьмёт его, пока Оуэнс ещё здесь. Юноша крепко ухватился за леса, больше всего желая последовать за этим человеком, чьи седые волосы и заношенный чёрный атласный жилет были до боли знакомы.

Мэтью развернулся, уже собираясь уходить, но вдруг остановился и обернулся.

– Я сделаю всё, что смогу, чтобы сбить злодеев со следа. Я обещал твоей матери, что помогу тебе изнутри. И сдержу слово.

А потом Мэтью поспешил прочь, обратно к реке.

Звук шагов стих, и Уилл остался один. Сердце колотилось как бешеное. Постепенно удалились и крики других мужчин, продолжавших поиски. Оставленный Мэтью предмет так и притягивал внимание. Юноша чувствовал себя диким зверем, который рассматривал наживку в ловушке.

Уилл так хотел воскликнуть вслед Мэтью: «Подожди! Кто они? Что ты знаешь о моей матери?»

Но он просто всматривался в пелену дождя в том месте, где скрылся Оуэнс, а потом перевёл взгляд на маленький свёрток, лежавший на строительных лесах. Бывший слуга велел торопиться, но Уилл мог думать только об этом предмете.

Неужели мама правда передала это для него?

Уилл шагнул вперёд – его буквально тянуло к загадочному предмету. Он почти ждал, что это окажется ловушкой, что те мужчины из доков бросятся на него.

Свёрток оказался маленьким, круглым, завернутым в отрез кожи. «Покажи это Хранителям», – велел Мэтью, но юноша не знал ни кто такие эти Хранители, ни где их искать.

Уилл протянул руку, опасаясь, что преследователи настигнут его в любой момент, и взял свёрток онемевшими от холода пальцами. Внутри оказался потёртый кусок металла. Юноша так озяб, что едва нащупал зубчатые края, и тут же почувствовал неожиданную тяжесть предмета, словно отлитого из золота или свинца. Уилл поднёс его к свету... и вздрогнул.

Это был старый сломанный медальон, округлый, изогнутый.

Уилл узнал его, так как уже видел раньше.

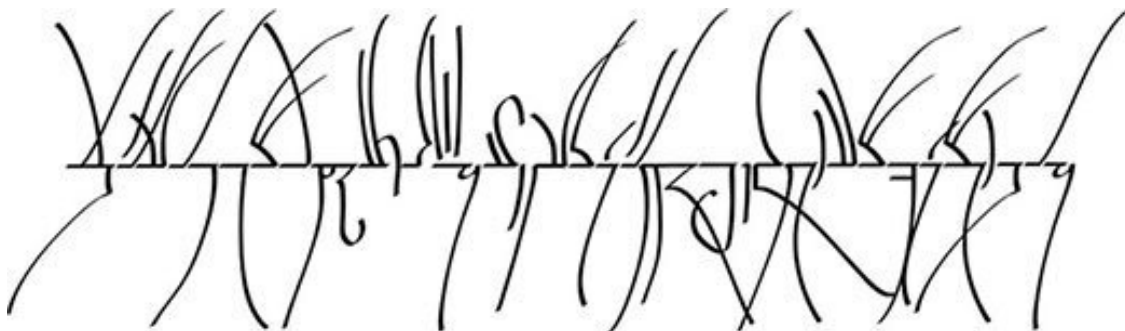
В зеркале.

Голова пошла кругом. Невозможно! Та женщина из отражения носила точно такой же медальон. Уилл вспомнил сияние, когда леди шла к нему, смотрела на него так, словно хорошо знала его. Её медальон был отлит в форме цветка боярышника с пятью лепестками и блестел, как золотой.

Но теперь его поверхность стала тусклой, потрескавшейся, неровной, будто прошло много лет. Будто его похоронили, а потом раскопали, уже потёртый, сломанный.

Но ведь женщина в зеркале была всего лишь миражом, игрой света...

Перевернув медальон, Уилл увидел выгравированные буквы. Языка он не знал, и все же каким-то образом понимал слова. Казалось, они часть его самого, словно поднялись откуда-то из глубины, а наречие вырезано на его костях, на кончике языка.

Когда придёт время для новой битвы, я не смогу сражаться.

Потому у меня будет дитя.

Уилл сам не понимал почему, но его начало трясти. Слова на странном наречии горели в сознании. По уму он не мог прочесть их, и всё же прочёл – почувствовал их смысл. Перед глазами вновь встал образ женщины в зеркале. Казалось, она смотрела прямо на Уилла. Мамиными глазами... Всё вокруг словно исчезло, и он видел только ту леди. Они не сводили взглядов друг с друга, и внутри нарастала боль узнавания. Незнакомка будто обращалась именно к нему, говоря: «*Когда придёт время для новой битвы, я не смогу сражаться. Потому у меня будет дитя...*»

Уилла затрясло ещё сильнее.

– Хватит, – выдохнул он и схватил медальон, изо всех сил стараясь прогнать видение. – Хватит!

И всё прекратилось.

Уилл судорожно вздохнул. Он был один. С волос стекала вода. Кепи и одежда промокли насквозь.

Как и зеркало тогда, медальон снова стал обычным. Просто старинная вещица, ни намёка на только что увиденное.

Уилл посмотрел туда, где скрылся Мэтью, и сжал подвеску так сильно, что края впивались в кожу.

Что же это такое? Что именно Мэтью передал ему?

Улицы были пусты. Никто не слышал неосторожный возглас, когда видение захватило Уилла. Те, кто разыскивал его, ушли. У него появился шанс сбежать!

Но ему требовались ответы – о медальоне, о той женщине, о людях, которые преследовали его.

Он должен узнать причины случившегося. Он должен узнать, почему эти люди убили его мать.

Повесив шнурок с медальоном на шею, юноша побежал назад сквозь дождь. Ноги хлюпали по грязи. Он должен найти Мэтью. Должен узнать, *что* Мэтью не успел рассказать.

Улицы проплывали мимо. Глаза женщины из зеркала горели в памяти.

Когда Уилл наконец остановился, тяжело дыша, то увидел, что вернулся практически к самому складу.

Мэтью сидел на скамье на улице в паре кварталов от реки. Здесь освещение оказалось лучше, и Уилл разглядел ботинки с пряжками и гофрированные штаны, белую рубашу и чёрный жилет бывшего слуги.

Накопилось столько вопросов, даже неясно, с чего начать.

Уилл закрыл глаза и выдохнул.

– Прошу. Ты принёс мне медальон. Я должен знать, что это за вещь. Хранители... кто они? Как мне найти их? И эти люди... Я не понимаю, почему эти люди преследуют меня и почему убили мою мать... Я не понимаю, что мне делать дальше.

Тишина. Уилл выпалил всё это на одном дыхании. И сейчас, когда молчание затягивалось, он почувствовал, что жажда получить ответы начала превращаться в тёмный страх.

– Мэтью? – тихо позвал юноша.

Но уже понял. *Понял.*

Казалось странным, что Мэтью сидел снаружи под усилившимся ливнем без куртки и даже не пытался найти укрытие. Руки мужчины висели плетьюми. Мокрая одежда прилипла к телу. Вода стекала с неподвижных пальцев. Дождь хлестал по лицу, ручейками струился в открытый рот, по мёртвым открытым глазам.

Значит, они здесь...

Уилл бросился вперёд – не по дороге, а в сторону, к одной из дверей, в отчаянной надежде, что сможет предупредить хозяина или пробраться внутрь. Первый удар настиг беглеца у внешних ворот. Прежде чем он сумел добраться до здания, чья-то ладонь опустилась Уиллу на плечо, а другая стиснула шею.

Он видел волосы на руке мужчины, чувствовал его горячее дыхание на коже. Впервые за эту ночь преследователи оказались так близко. Их лица выглядели незнакомыми, но на внутренней стороне запястья мужчины, который схватил Уилла, была выжжена буква «С».

Он ощутил нараставший ужас, потому что уже видел эту «С» раньше, в Боухилле. Точно такая же красовалась на запястьях убийц, отнявших жизнь мамы. Когда юноша не мог уснуть, эта буква стояла перед глазами, а когда погружался в сон – преследовала и там. От неё исходило

что-то древнее, тёмное, словно некое древнее зло. И сейчас казалось, что она извивалась под кожей хватчика, раздвигая кожу, выползая к Уиллу...

Всё, чему он научился за девять месяцев в бегах, исчезло. Он будто снова очутился в Боухилле, снова, спотыкаясь, мчался прочь от дома, прочь от преследователей. В ту ночь из-за дождя, заливавшего глаза, не было видно ни зги. Так легко оступиться, упасть, карабкаясь по берегу, пробираясь через канавы. Уилл не знал, сколько времени бежал, пока не рухнул наземь, дрожащий, вымокший. Ему хотелось к маме, пусть это и казалось глупым. Но её убили. Он не мог вернуться к ней, потому что дал обещание.

«Беги».

На миг показалось, что буква «С» тянется к Уиллу откуда-то из глубокой пропасти.

«Беги».

Его с силой толкнули на мокрую бульжную мостовую, а когда он попытался подняться, опираясь на локоть, то задохнулся от боли в плече: рука подвела. Уилла быстро скрутили, хотя он сопротивлялся изо всех сил.

До той ночи в Боухилле юноше никогда не приходилось драться, да он особенно и не умел. Теперь один из хватчиков удерживал пленника и методично бил, пока тот не упал навзничь, судорожно хватая ртом воздух.

– Хорошо тебе жилось, да? – Мужчина коротко пнул Уилла. – Маменькин сынок прятался за мамкину юбку. Но теперь с этим покончено.

Юноша пошевелился, но его били ногами, снова и снова, пока перед глазами не потемнело и он не замер.

– Свяжите его. Закончим здесь, потом оттащим на корабль Саймона.

Глава 3

– Держись отсюда подальше, крыса.

Кто-то грубо оттолкнул Вайолет, заслонив происходящее на палубе. Её толкали и отпихивали, и девушка вытянула шею, чтобы разглядеть хоть что-то. Почти ничего не было видно, кроме широких плеч моряков и их тел, пропахших морской водой, потом и предвкушением, поэтому Вайолет вскарабкалась по такелажу⁴ и зацепилась за завязанный узлом канат, чтобы удержаться. На палубе она разглядела Тома, окружённого толпой моряков в кепи и банданах.

Был четверг, и корабль Саймона «Охотник», отягощённый грузом, встал на якорь на переполненной судами реке. На главной мачте реял флаг с тремя чёрными гончими – гербом владельца. Вайолет не сумела бы пробраться на борт, но она хорошо знала корабль, потому что её семья ужасно гордилась тем, что выполняла кое-какую работу для Саймона, старшего сына графа Синклера. Этот мужчина носил собственный титул: лорд Креншоу. Он руководил процветающей торговой империей от имени своего отца и, по слухам, имел влияния больше, чем сам король Георг, причём по всему земному шару. Однажды Вайолет даже мельком удалось взглянуть на Саймона – могучего мужчину в роскошном чёрном камзоле.

Сегодня леера⁵ охраняли матросы с пистолетами, пока другие перегородили причал. Но все остальные столпились на квартердеке⁶, и погрузочные работы прекратились. Со своего места высоко наверху Вайолет видела, как напряжены люди, которые стояли в тесном круге. Все эти суровые мужчины собрались, чтобы засвидетельствовать одно событие.

Том удостоится клейма.

Раздетый до пояса, с непокрытой головой и тёмно-рыжими волосами, падавшими на лицо, юноша опустился на колени на доски палубы. Его голая грудь поднималась и опадала – он прерывисто дышал, предвкушая то, что вот-вот произойдёт.

Собравшиеся напряжённо ждали, немного завидуя, но зная, что Том заслужил эту честь. Пара мужчин прикладывались к флягам с виски, словно сейчас это было нужно им, а не Тому. Вайолет их понимала. Все они будто стали частью этой церемонии, своего рода обещания: «Будь полезен Саймону, сделай так, чтоб он остался доволен тобой, и получишь вот что».

Моряк в кожаном фартуке, как у кузнеца, шагнул вперёд.

– Не надо меня удерживать, – сказал Том.

Он отказался от всего того, что помогло бы ему лучше перенести боль: от выпивки, от повязки на глаза, от кожаного валика в зубы, а просто опустился на колени и ждал. Напряжение нарастало.

Девятнадцатилетний юноша стал самым молодым из тех, кто заработал клеймо. Наблюдая, Вайолет поклялась себе: «Вскоре самой молодой из них стану я». Как Том, она преуспеет в торговле, принесёт Саймону добытые ею трофеи и тоже заслужит повышения. Она собиралась проявить себя при первой же возможности.

– Приготовься принять дар, – сказал капитан Максвелл и кивнул матросу. Тот подошёл к жаровне с раскалёнными углями, которую вынесли на палубу. – После церемонии ты будешь принадлежать Саймону. Носить его клеймо – большая честь.

Моряк вытащил калёное железное тавро из горячих углей: длинное, как кочерга, но с буквой «С» на конце. Оно так раскалилось на углях, что светилось красным, словно трепещущее пламя.

Вайолет напряглась, словно всё это происходило с ней.

⁴ Такелаж – общее название всех корабельных снастей, в данном случае – канатов.

⁵ Бортовые леера – здесь: ограждения на верхней палубе.

⁶ Квартердек – приподнятая кормовая часть верхней палубы корабля.

Моряк шагнул вперёд.

Том произнёс ритуальные слова:

– Я приношу Саймону этот обет быть преданным слугой, подчиняться и выполнять все приказы. Заклейми меня, – он смотрел прямо на моряка, голубые глаза сверкали решимостью. – Скрепи мою клятву печатью на плоти.

Вайолет затаила дыхание. Вот оно. Те, кто носил клеймо, входили в ближайший круг. Любимцы Саймона, его самые преданные последователи, по слухам, получали особые награды, а самое главное – внимание его, что само по себе служило наградой для многих из них. Хорст Максвелл, капитан «Охотника», носил клеймо, и это давало ему власть даже бо́льшую, чем сама должность.

Том протянул руку так, что все видели чистую кожу на его запястье.

Только однажды Вайолет видела, как мужчину клеймили, и он кричал, бился, точно рыба на дне лодки. Том тоже это видел, но сейчас он решительно смотрел в глаза моряку и даже не дёрнулся, а всё благодаря своей воле и храбрости.

Капитан Максвелл произнёс:

– Вот так, мальчик. Прими клеймо достойно.

«Том не закричит, – подумала Вайолет. – Он силён».

Теперь стало так тихо, что слышалось, как волны плещутся о борта судна. Моряк поднял тавро. Один из мужчин отвернулся, не желая смотреть – этот явно не такой храбрец, как Том. А доказать, что он достоин клейма, сейчас предстояло именно Тому. «Прими его, покажи, что ты достоин». Вайолет крепко стиснула канат, но не отвела взгляда, когда моряк приложил раскалённое железо к запястью юноши.

Резкий запах горелой плоти оказался ужасен – как запах жареного мяса. Казалось, раскалённый металл давил на руку дольше необходимого. Каждый мускул Тома напрягся от боли, когда отчаянно хотелось свернуться клубком, но он не сделал этого, а остался стоять на коленях, тяжело дыша, дрожа, как измождённая забегом лошадь.

В воздух взметнулся одобрительный рёв. Моряк помог Тому встать и поднял его руку, чтобы все могли увидеть его запястье. Юноша выглядел ошеломлённым и чуть пошатывался. Вайолет мельком заметила на коже вытравленную букву «С», после чего моряк быстро залил клеймо спиртом и замотал тканью.

«Вот и у меня будет так же, – подумала Вайолет. – Я буду смелой, как Том».

Она потеряла его из виду – толпа закрыла его, товарищи спешили поздравить. Вайолет снова вытянула шею, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Затем скользнула вниз по канатам и попыталась протиснуться сквозь толпу, несмотря на толчки и удары. Увы, не удалось даже на секунду рассмотреть Тома, хотя тошнотворный запах горелой плоти всё ещё витал в воздухе. Кто-то больно схватил девушку за руку и дёрнул в сторону.

– Я же сказал, держись подальше, крыса!

Из-под банданы мужчины выбивались длинные засаленные волосы. Короткая борода покрывала щёки, точно сыпь. На грубой коже бывалого моряка тонкой сеточкой проступали сосуды. Хватка оказалась крепкой, болезненной. Вайолет окатило волной отвратительного перегара, и она попыталась оттолкнуть мужчину, упираясь в доски палубы.

– Отпусти! Я имею право здесь находиться!

– Ты уродливая коричневая крыса, укравшая чью-то хорошую одежду.

– Неправда! – возмутилась она, хотя в самом деле носила жилет и штаны Тома, а ещё его рубашу и башмаки, из которых он уже вырос.

В следующий миг ситуация стала ещё более унижительной.

– В чём дело? – раздался знакомый голос.

Том уже успел надеть рубашку, но две пуговицы на стоячем воротнике остались расстёгнуты, а оборки на воротах – не завязаны. Вайолет хорошо видела его, поскольку люди

между ними расступились, и теперь все смотрели прямо на моряка, который держал Вайолет за шкуру.

– Этот мальчишка замышляет неприятности...

Лицо Тома всё ещё блестело от пота после клеймения.

– Это не мальчишка, – сказал он. – Это – моя сестра Вайолет.

Она увидела, как при этих словах моряк изменился в лице. Так же реагировали и все остальные – сперва недоверчиво, потом как-то странно смотрели на Тома, словно узнали что-то новое о его отце.

– Но она...

– Ты ставишь мои слова под сомнение, матрос? – Даже только получив клеймо, Том имел больше власти, чем кто-либо на этом корабле. Теперь он стал представителем самого Саймона, и его слово было словом самого Саймона.

Моряк захлопнул рот, сразу же отпустив Вайолет, которая споткнулась о доску и с горящими щеками подняла взгляд на Тома.

– Я всё могу объяснить...

В Лондоне никто не догадывался об их родстве из-за совершенно разной внешности. Том был на три года старше. Не имея индийской крови сестры, он выглядел точно так же, как их отец: высокий, широкоплечий и голубоглазый, с бледной кожей и каштановыми волосами. Вайолет же пошла в мать худощавостью, смуглой кожей, тёмными глазами и длинными тёмными ресницами. Единственное, что у них было общего – это веснушки.

– Вайолет, что ты здесь делаешь? Ты же должна сидеть дома.

– Ты принял клеймо, – проговорила она. – Отец будет гордиться.

Том инстинктивно схватился за руку над повязкой, словно хотел потрогать рану, но понимал, что нельзя.

– Откуда ты знаешь?

– Всем в доках об этом известно, – ответила Вайолет. – Говорят, Саймон клеймит лучших, даёт им особые награды, и их влияние в рядах его людей растёт...

Том проигнорировал слова единокровной сестры и заговорил тихо и настойчиво, при этом напряжённо и озабоченно озираясь вокруг:

– Я велел тебе не приходить сюда. Ты должна покинуть корабль.

Вайолет тоже огляделась.

– Ты теперь присоединишься к торговой экспедиции Саймона, да? Он назначит тебя главным на раскопках?

– Довольно, – сказал Том, и его лицо стало непроницаемым. – Мать права. Ты уже слишком взрослая для всего этого. Ходишь за мной везде. Носишь мою одежду. Ступай домой.

«Мать права». Эти слова причинили боль. Англичане обычно не привозили из-за границы своих внебрачных дочерей обратно на родину. Вайолет знала это из ссор между их отцом и матерью Тома. Но брат всегда заступался за неё. Он трепал её по волосам и говорил: «Вайолет, пойдём погуляем», а потом водил к уличному торговцу, чтобы купить горячего чая и рогалик со смородиной, в то время как дома жена отца кричала: «Почему эта девчонка живёт с нами? Чтобы унижить меня? Сделать меня посмешищем?»

– Но ты же сам дал мне эту одежду, – тихо проговорила девушка.

– Вайолет... – начал Том.

Позже она поняла, что были и другие тревожные знаки: люди на пирсе, напряжённые взгляды моряков, патрули с пистолетами и даже то, как плотно сжал губы брат. Единственным сигналом к началу событий послужило то, как Том резко вскинул голову.

От внезапного толчка содрогнулся весь корабль, и Вайолет отбросило в сторону. Она услышала выстрел, обернулась и увидела моряка, который дрожащими руками сжимал пистолет.

А потом увидела, куда он стрелял.

На борт корабля, цепляясь за верёвки и доски, хлынули мужчины и женщины, облачённые в белые одежды со знаком звезды. Их лица выглядели благородными, словно у героев старинных книг. Внешность у незнакомцев была самая непохожая, будто все они явились из разных стран. Казалось, нападавшие, вооруженные мечами, как рыцари, возникли из тумана.

Вайолет никогда не видела ничего подобного – словно легенды вдруг воплотились.

– Хранители!

Чей-то крик вырвал её из задумчивости, и разразился настоящий хаос. Незнакомое слово разлетелось, распространилось словно лесной пожар. «Хранители?» – подумала Вайолет. Это старинное прозвище звенело в её разуме.

Капитан Максвелл и Том, казалось, прекрасно знали, с кем имеют дело, но большинство людей Саймона просто побежали за оружием или уже вытаскивали пистолеты, стреляя в нападавших. Палуба наполнилась густым дымом и удушающим запахом серы и селитры от ружей.

Вайолет отбросило назад, и она едва различала что-то в общей суматохе. Трое нападавших – Хранители – сражались у бушприта. Ближайший к Вайолет мужчина с удивительной лёгкостью перепрыгнул через леер. Другой совершил невозможное: одной рукой отбросил контейнеры, которые весили полтонны!

«Как же они сильны», – изумлённо подумала Вайолет.

Эти Хранители в белых одеждах с символом звезды обладали просто удивительной, неестественной силой и скоростью. Нападавшие с лёгкостью уклонились от первого залпа выстрелов и начали драться. Люди Саймона кричали в дыму, когда Хранители врезались в их ряды, выкашивая...

Вайолет почувствовала руку Тома на плече.

– Я отрежу им путь здесь, – его голос звучал твёрдо. Ты нужна мне в трюме. Защити груз Саймона.

– Том, что происходит? Кто это?..

– В трюм, Вайолет. Сейчас же.

Мечи. «Но никто ими уже не дерётся», – подумала девушка, ошарашенно наблюдая, как Хранитель с высокими скулами хладнокровно разрубил боцмана корабля, а воительница с золотистыми локонами вонзила свой клинок в грудь какого-то матроса с ружьём.

– Найдите Маркуса! – велела светловолосая Хранительница, и остальные нападавшие рассредоточились, подчиняясь приказу.

Том вышел им навстречу.

Вайолет нужно было спуститься в трюм. На палубе царил настоящий хаос, и бой становился всё ближе. Но она замерла как вкопанная.

– Лев Саймона, – прокомментировала светловолосая Хранительница.

– Всего лишь львёнок, – возразил воин рядом с ней.

«Лев?» – подумала Вайолет. Странное слово отозвалось в ней эхом, пусть она и понимала, что речь шла о её брате.

– Раз вам известно, что мы захватили Маркуса, вы должны знать, что уязвимы.

– Думаешь, один Лев может остановить десяток Хранителей? – рассмеялась светловолосая предводительница.

– Один Лев убил сотню таких, как ты, – ответил Том.

– Но ты не таков, как Львы древности. Ты слаб.

Меч Хранительницы взлетел, описав серебряную арку. Так быстро – невероятно быстро! Вайолет успела увидеть лишь изумление на лице противницы, когда Том выбил клинок из её руки и вонзил в грудь грубый железный штырь. Затем выдернул импровизированное оружие и повернулся к остальным.

Том не был слаб. Он был силён. Очень силён. Всегда.

Вайолет уставилась на единокровного брата. На его лице виднелась кровь. Красные капли стекали по металлическому штырю и белой рубашке. Вьющиеся каштановые волосы и правда делали Тома похожим на льва.

Он коротко посмотрел на сестру.

– Ступай, Вайолет. Я пойду следом, как только смогу.

Девушка слепо кивнула, отступила и поползла назад, а потом, пригнувшись, побежала по настилу. Корабль снова тряхнуло словно от удара. Снасти раскачивались над головой. По палубе прокатилась бочка. Снова зазвучали выстрелы, и Вайолет закрыла лицо рукавом, чтобы не задохнуться от дыма. Она поскользнулась на крови, успела увидеть, как капитан Максвелл заряжал пистолет, и тут же поспешно отскочила в сторону, чтобы не натолкнуться на трёх людей Саймона, сражавшихся с одним из Хранителей. Наконец девушка прошла сквозь дым и оказалась в трюме.

Когда люк закрылся, она вздохнула с облегчением – внизу никого не было. Крики и приглушённый грохот выстрелов, которые доносились с верхней палубы, стали тише.

Похожее ощущение возникало, когда отец запирался вместе с Томом в кабинете, а Вайолет оставалась снаружи. Чтобы отогнать это чувство, она погрузилась в размышления. Брат называл нападавших Хранителями, а они его – Львом. Это слово стучало в висках. Вспомнился момент из детства, когда ещё маленький Том пальцами согнул пополам медный фартинг и сказал Вайолет: «Смотри, какой я сильный. Только никому об этом не говори». Это стало их общим секретом. Эта особенность делала вроде бы обыкновенного парня похожим на Хранителей. Могучим и потусторонним. *Львом*.

Раз за разом Вайолет прокручивала в голове момент, когда Том убил светловолосую предводительницу. Алая кровь на железном стержне.

Не верилось, что брат вообще способен кого-то убить.

Руки у девушки всё ещё тряслись. Глупости! В закрытом трюме она оказалась в большей безопасности, чем кто-либо на корабле. Вайолет сжала кулаки, чтобы остановить дрожь. Это слегка помогло.

Требовалось достать оружие.

Трюм «Охотника» казался огромным и был наполнен ящиками, бочками и контейнерами до самой задней части корабля. Вдоль трапа шли толстые перекладины. Длинный ряд ламп, свисающих с крючьев над головой, исчезал в темноте впереди словно в пещере. Вдалеке Вайолет могла различить только смутные силуэты, сложенные холсты и огромные деревянные лари.

Всё это и являлось грузом Саймона, частью постоянного потока товаров, которые он привозил из своих путешествий. Говорили, что благодаря доходам с продаж купец мог приобрести все те необычные предметы, которые коллекционировал, собирая со всего света. Том добыл одну из таких диковин – что-то невероятно редкое, ценное, – за что его и наградили клеймом. Вайолет оставалось только догадываться, что за странные вещи скрывались в ящиках. По телу пробежала тревожная дрожь, говорившая, что не следовало спускаться сюда. Словно здесь находилось что-то такое, что не следовало беспокоить.

Девушка сошла с последней ступеньки. Тускло светили лампы, и даже не верилось, что снаружи сейчас солнечно. По обе стороны от Вайолет возвышались ящики. В полумраке мелькающие тени превращались в непонятные фигуры, которые то разрастались, то съёживались. Несмотря на блики света, в трюме стоял холод, как в речной воде. «Охотник» и без того не мог похвастаться высокой осадкой, а нагруженный и вовсе опустился почти вровень с причалом. Теперь на корабль легко можно было подняться по трапу. Вайолет находилась в той части судна, которая скрывалась под поверхностью реки.

Чуть глубже в трюме по щиколотку стояла вода: холодная, с отвратительным сырым запахом канала.

– Кто здесь? – напряжённо спросил чей-то голос.

Рядом раздался всплеск. С бешено стучащим сердцем Вайолет обернулась и увидела, что в темноте трюма прикован цепями юноша лет семнадцати, в рваной рубахе и шароварах.

Глава 4

Юношу, явно пленника, приковали к толстой балке такими толстыми цепями, что они больше походили на якорные. Бледное лицо под спутанными тёмными волосами покрывали синяки и ссадины, старые и совсем свежие, которые складывались в жёлто-пурпурный узор. Узника избивали, притом не раз. Разорванная на плече куртка потемнела от крови, а распахнутая, покрытая пятнами рубашка не скрывала красные рубцы на груди.

Вайолет смотрела на незнакомца, чувствуя, как наползает холодный ужас. Почему в трюме корабля прикован юноша её лет? Перед мысленным взором снова встала картина: Том вытаскивает из груди противницы окровавленный железный штырь.

– Что происходит?

Юноша с трудом стоял прямо и всем весом опирался на балку. Дыхание звучало хрипло, поверхностно, но пленник явно пытался скрыть, каких усилий ему стоило просто втягивать носом воздух. Так раненый зверь старается не показывать, что ему больно.

– На корабль напали.

– Кто?

Девушка не ответила. Она убеждала себя, что Саймон имел вескую причину держать в трюме мальчишку. Тот, вполне возможно, был вором, мелким преступником или шпионом одного из торговых конкурентов уважаемого купца.

Вайолет убеждала себя, что пленник заслужил такую участь. Несомненно, он очень опасен.

Несмотря на поношенную одежду портового рабочего, юноша совсем не походил на докера. Высокие скулы, решительный взгляд тёмных глаз, длинные чёрные ресницы делали бы лицо симпатичным, если бы не синяки.

– У тебя нет клейма Саймона, – сказал он.

Вайолет покраснела.

– Могло бы быть, – она поборолась порыв схватиться за запястье в том месте, где ставили клеймо. – Если б я захотела.

Девушка покраснела ещё сильнее, понимая, что пленник наблюдал за ней, как и она за ним.

– Меня зовут Уилл, – проговорил он. – Если бы ты помогла мне, я бы...

– У меня нет ключа, – перебила Вайолет. – А если бы и был, то я всё равно не помогла бы тебе. Это корабль Саймона. Он не запер бы тебя здесь, если бы ты не перешёл ему дорогу.

– Он хочет убить меня, – сказал Уилл.

Казалось, время остановилось. Вайолет всё ещё слышала звуки боя, глядя на синяки пленника, на засохшую кровь на его лице и рубашке.

– Саймон не убивает людей, – возразила девушка, но ощутила вдруг, что за этими словами открывается бездна и на самом деле уже ни в чём нельзя быть уверенной.

– Ты могла бы найти ключ, – предложил Уилл. – А я бы ускользнул во время боя. Никто никогда не узнает, что это ты...

– Проверьте здесь каждый дюйм, – раздался мужской голос.

Оба вздрогнули и обернулись на звук.

– Если Маркус здесь, мы найдём его, Джастис, – ответила какая-то женщина.

Уилл понял, что делать, в тот же миг, что и Вайолет.

– Эй! – крикнул он. – Сюда!

– Нет!

Хранители.

Она резко развернулась, чтобы закрыть пленнику рот, но опоздала. Два Хранителя уже показались из-за угла. Впервые Вайолет увидела их так близко, в полном доспехе и белых одеждах с символом серебряной звезды.

Глаза Уилла расширились.

Предводитель оказался высоким и даже более внушительным, чем остальные. Похоже, он был китайцем. Его лицо выражало целеустремлённость и сосредоточенность. Он казался воплощением справедливости. Рядом с ним шла женщина того же возраста – около двадцати лет. Оба носили белые плащи поверх серебристых доспехов. Причёски тоже выглядели одинаково: волосы, слишком длинные для мужчин, были собраны в хвост за спиной и завязаны лентой, ниспадая почти до пояса.

Хранители были вооружены клинками – не абордажными саблями, какими до сих пор пользовались бандиты, нападавшие на речные баржи, а двуручными мечами. Таким можно разрубить человека пополам.

Мысли Вайолет устремились к брату. «Том...» Она помнила, как легко Хранители убивали моряков Саймона, рассекая их тела словно масло. И если двое врагов оказались здесь, то что же происходило наверху?

Вайолет схватила метлу и шагнула вперёд, преградив им путь, прежде чем вообще сообразила, что делает.

Сердце колотилось. Хранитель по имени Джастис оказался не просто красив, а излучал силу, благородство, властность. Рядом с ним девушка почувствовала себя маленькой и незначительной, но всё же осталась стоять на месте. «Том был храбрым», – подумала она. Нужно остановить противников хоть ненадолго, чтобы выгадать брату немного времени там, наверху. Вайолет встретила взглядом с Джастисом.

– Это не Маркус, – прокомментировала Хранительница-француженка, удержав напарника за руку. – Саймон держит здесь пленников. Девушку и юношу. Смотри.

– Если вы выпустите меня, я отдам вам что угодно, – проговорил Уилл.

Джастис посмотрел на него через плечо Вайолет, затем снова на девушку и сказал:

– Мы поможем вам. Вам обоим. Но сейчас на палубе опасно. Лучше останьтесь здесь, пока мы расчистим путь...

– Расчистите путь? – переспросила Вайолет.

«Он считает, что я пленник, как этот скованный юноша...» Она крепче сжала ручку метлы.

– Джастис. Здесь внизу ещё кто-то есть, – француженка отошла в темноту трюма и обернулась со странным выражением лица. – Не пленники... что-то...

– О чём речь? – нахмурился Джастис.

– Не знаю. Ты не чувствуешь? Что-то тёмное, древнее...

Хранитель говорила о том, что ощутила и сама Вайолет, когда только спустилась в трюм: нечто такое, к чему совсем не хотелось приближаться. А сейчас оказалась к нему ещё ближе, чем когда стояла на ступенях.

Вайолет знала, что Саймон привозил артефакты с раскопок по всей империи, а некоторые из них она даже видела, когда удавалось прокрасться за Томом в доки: доспехи в железных сундуках, странные куски камней, отломанную руку статуи. Все торговые операции были связаны с постоянными раскопками и добычей. А что, если странное чувство исходило от того самого предмета, который добыл Том?

– Засим и охранники, – мрачно сказал Джастис. – Они защищают не Маркуса, а что-то, спрятанное на корабле.

С трапа раздался выстрел.

Начался хаос.

– Ложись! – крикнул Джастис, бросаясь между Вайолет и стрелявшим.

Вайолет почувствовала, что его тепло окружает её, что его тело защищает её. Хранитель содрогнулся, застонав от боли сквозь стиснутые зубы, а когда отстранился, на его плече расцвело алое пятно.

Хранитель принял пулю, защищая Вайолет. Она споткнулась о ящик, не в силах отвести взгляд от раны человека, который только что спас ей жизнь.

– Они идут! – предупредила француженка, обнажая клинок.

– Наша стезя – покарать Льва Саймона и забрать с корабля груз, – проронил Джастис и встал рядом с напарницей, выставив меч и не обращая внимания на пулю в плече.

Речь шла о Томе...

У Вайолет не осталось времени отреагировать. Ещё один выстрел снёс половину грузового контейнера. Бой переместился в трюм. Люди Саймона перезаряжали оружие и целились в Хранителей. Другие сражались на ступенях – клубок из тел, звон мечей. Одна из подвесных ламп разбилась, отлетела в сторону и, очертив яркую огненную дугу, упала в лужу. Стало темнее.

Вайолет должна была добраться до брата. Она столкнула контейнер и побежала вперёд, но поняла, что вода уже доходит до колен. Тёмная воронка закручивалась у ног, вращаясь всё быстрее и быстрее.

«Так быть не должно...»

В трюме всегда было сухо, но сейчас его заливала вода, уровень которой заметно поднялся, уже достигая колена.

Вайолет посмотрела на груз и снова ощутила прикосновение липкого ужаса, словно там скрывалось что-то тёмное, страшное. Взгляд упал на один из контейнеров, в отличие от остальных прикованный цепями. От него и исходила волна отвращения.

Француженка сказала: *«Здесь внизу ещё кто-то есть. Не пленники... что-то тёмное, древнее».*

– Ты не уйдёшь, Хранитель.

Вайолет вздрогнула и обернулась – у входа в трюм стоял Том.

Он жив! Волна облегчения и гордости окатила её. В распахнутой, залитой кровью рубахе, с железным штырём в руке брат казался незнакомцем, но он выиграет этот бой – ради Саймона, ради их семьи.

– Где Маркус? – спросил Джастис.

– Я убил остальных, – вместо ответа сказал Том и начал спускаться по трапу, держа наготове импровизированное оружие.

– Отринь суетное и поведай, что вы сделали с Маркусом, – проговорил Джастис. – Иначе я одолею всех на судне и всё равно его найду.

– Я не дам тебе пройти, – ответил Том.

«Том сильный, – подумала Вайолет. – Том ему покажет».

Но когда противники сошлись в поединке, стало очевидно, что, хотя брат и силён, Джастис ещё сильнее.

Он поднырнул под стальной прут и одним ударом откинул Тома так, что тот по дуге отлетел в недра трюма и врезался в одну из перекладин. Опоры трапа разлетелись, удар разнёс дерево в щепки, и огромные балки рухнули вниз, разбив контейнеры.

А один из них, прикованный, к которому так не хотела подходить Вайолет, высвободился, упал на доски и развалился.

Волна тошнотворного ужаса захлестнула девушку, окатив осознанием, что они только что выпустили в трюм нечто ужасное. Не хотелось оборачиваться и смотреть, что это. Матрос, стоявший рядом, побледнел, словно исходившая от контейнера тошнотворная энергия затронула его ещё сильнее, и покачнулся, а в следующий миг кожа мужчины пошла пятнами. Вайолет заставила себя обернуться и взглянуть вокруг.

Люди теряли равновесие, падали в воду, и их рвало.

«Здесь что-то есть... и оно пытается выбраться...»

Из разбитого контейнера выпал меч и теперь лежал на краю. Он выглядел просто, если не считать чёрной рукояти и длинных чёрных резных ножен. От удара наружу на волос выскользнуло чёрное лезвие.

Никогда прежде Вайолет не испытывала ничего подобного тому отвращению, которое захлестнуло её при виде чёрного клинка. Хотелось кричать: «Спрячьте его! Спрячьте обратно в ножны!» Она каким-то образом знала, что этот меч служил источником какой-то ужасной болезни. Зловещее оружие испускало дуги тёмного пламени, которые взрезали корпус корабля и ломали его, впуская новые потоки воды. На глазах Вайолет жуткий огонь задел одного из людей Саймона, и того вырвало чёрной слизью, будто все органы в один миг прогнили.

«Спрячьте его в ножны!»

Но никто не мог приблизиться к нему без риска оказаться поражённым чёрным огнём.

Люди вокруг кричали и пытались добраться до выхода. Паника лишь усилилась, когда чёрное пламя снова вспыхнуло, точно демонические молнии, убивая всех вокруг. Некоторые моряки старались скрыться как можно дальше от меча и прятались за контейнерами, которые всё равно не спасали.

Все Хранители были мертвы. Только Том и Джастис всё ещё сражались, словно два титана. Чёрное пламя обрисовало их силуэты – Джастис поднял Тома над водой, ударил так сильно, что тот содрогнулся, потом снова и снова.

«Том!»

Вода уже доходила до пояса и продолжала подниматься. Вайолет с трудом пробиралась к сражавшимся вброд, пока кошмарное чёрное пламя продолжало гореть. Было очень темно – большинство ламп разбилось. Основная часть груза плавала вокруг словно айсберги.

У Вайолет не было оружия, и она просто бросилась на Джастиса, сбивая их обоих с ног. Острый угол одного из всплывших контейнеров ударил Хранителя по голове. Он тут же обмяк и рухнул в воду лицом вниз, уже не двигаясь.

Вайолет поспешила к брату.

– Том! – звала она. – Том!

Бледный, без сознания, он всё ещё дышал. Необходимо вытащить его отсюда! «Жив», – думала Вайолет, подхватывая брата на руки. Но надолго ли?

Отчаянно она искала взглядом выход... и натолкнулась на пленника. На Уилла.

Он держал меч в поле зрения и пытался добраться до него, а не трусливо отступал от пламени, как все остальные. «Он собирается вернуть клинок в ножны», – поняла Вайолет, чувствуя, как кожу покалывает. Эта идея пришла в голову и самой девушке, но показалась невозможной. Её первым инстинктивным желанием было спасти брата. А Уилл собирался спасти их всех.

Юноша двигался решительно, твёрдо, натягивая цепи так, будто противостоял неведомой силе, но он был изранен и слаб. «Он справится», – изумлённо подумала Вайолет, хотя сама мысль о том, чтобы прикоснуться к этому ужасающему оружию, заставила её поморщиться. Как и мысль о том, что может случиться с Уиллом. Взрослые мужчины падали, изрыгая чёрную кровь. Что же случится, если кто-то *дотронется* до меча?

Несмотря на то что цепи натянулись до предела, а всё тело напряглось, кончики пальцев Уилла чуть-чуть не доставали до клинка.

Вайолет не могла приблизиться, но вспомнила тот миг, когда юноша умолял её снять оковы. А она отказалась. И обрекла всех на гибель.

А потом девушка увидела невероятное: меч начал поворачиваться к Уиллу, потом вдруг замер, а в следующий миг оказался в его руке, словно прыгнул на шесть дюймов. Невозможно! Как только оружие оказалось в ладони, Уилл загнал лезвие обратно в ножны.

Всё замерло, пламя погасло. Ужасная болезнь перестала распространяться. Вайолет жадно хватала ртом воздух. В воцарившейся звенящей тишине особенно отчётливо звучали рыдания перепуганных выживших, шум воды и зловецкий стон корпуса корабля.

Вайолет недоверчиво смотрела на пленника. Он притянул к себе меч, будто невидимой рукой...

Юношу трясло. Он свернулся вокруг зловецкого оружия в тугой комок, широко распахнув глаза, полные мучительной внутренней борьбы. Похоже, чтобы удерживать клинок в ножнах, требовались все силы Уилла до последней капли. Только на миг он посмотрел прямо на Вайолет.

– Не могу удержать! – воскликнул он. – Уходи!

Меч сопротивлялся.

– Брось его! – велела Вайолет. – Брось его в реку!

– Не могу! – с болью выдавил Уилл. Он выглядел так, словно уже едва держался. – Выводи людей!

Заглянув в тёмные глаза юноши, она поняла, что он имел в виду: пока все покидают судно, Уилл будет сдерживать меч так долго, как только сможет. Так долго, как только придётся.

Вайолет кивнула и обернулась.

– Уходите! – приказала она, грубо толкнув одного из ошеломлённых мужчин, и тот, спотыкаясь, пошёл к трапу.

Разрушенный трюм быстро наполнялся водой. Выход всё ещё был забаррикадирован – трое людей Саймона отчаянно пытались сдвинуть огромную деревянную балку, заклинившую его. Ещё человек шесть, откашливаясь и задыхаясь, брели по пояс в воде, а ещё несколько матросов рядом с Вайолет цеплялись за контейнеры, неотрывно глядя на пленника широко распахнутыми глазами. Остальные погибли. Требовалось срочно вывести выживших.

Удерживая голову Тома над водой, девушка потащила его в сторону выхода, обходя тела погибших, раздутые и обезображенные чёрным пламенем. Смотреть на них не хотелось. Вайолет увидела Хранителя, плывущего лицом вниз, и с ужасом узнала Джастиса – его тёмные волосы ореолом окружали голову.

– Вперёд! У нас нет времени!

Вайолет схватила ближайшего из выживших за рубаху и потащила его вперёд. Остаться в трюме ещё дольше оказалось выше её сил. Да и задерживаться рядом с внушавшим животный ужас мечом не стоило. Следуя за последним из еле ковылявших и насквозь вымокших мужчин, Вайолет подхватила тело Тома и неуклюже потащила его вверх по ступенькам, пока наконец они не оказались на палубе.

Первое прикосновение свежего воздуха к лицу было чудесным – словно солнце вышло из-за облаков после душной, зловонной тьмы сырого трюма. Над головой распахнулось небо, и несколько мгновений Вайолет просто наслаждалась этим чувством.

А потом увидела палубу. Чёрное пламя проникло и сюда. Часть досок и обшивки была разбита, расколота, словно по ней прошли огненным хлыстом. Люди на берегу кричали, тыкали пальцами. За спиной девушка услышала стон дерева, резко обернулась и успела заметить, как падает мачта – миг, и та уже врезалась в палубу, разрывая снасти и ещё сильнее повреждая обшивку. Корабль накренился.

Вайолет побежала по палубе, клонящейся под её ногами. «Охотник» шёл ко дну. Крики с берега «Хватай верёвку!», «Прыгай!» не могли помочь ей – она ведь тащила на себе бессознательного брата. А потом...

– Том!

Голос капитана Максвелла донёсся со стороны лееров. Почувствовав прилив благодарности, Вайолет поспешила на зов, спотыкаясь на каждом шагу. Спустя несколько минут капи-

тан наконец подхватил Тома и потащил его по импровизированному перекидному мостику к причалу. Девушка шла следом, пока наконец не оказалась на твёрдой земле.

Облегчение казалось таким сильным, что хотелось зарыться пальцами в грязь и береговую гальку, только чтобы увериться в реальности избавления. Что Вайолет справилась. Что она была здесь.

Она упала на колени там же, где Максвелл положил её брата.

– Всё в порядке, он с нами, – слова Максвелла доносились словно издалека. – Давай, парень, давай.

Как раз в этот момент Том закашлялся и начал приходить в себя.

– Вайолет? – хрипло позвал он. – Где Вайолет?

– Она здесь, рядом, – ответил Максвелл и обратился к девушке, хотя его слова доносились словно издалека: – Ты молодец, вытащила его с корабля. Саймон будет доволен, когда узнает, что ты сделала.

«Саймон будет доволен». Разве не этого ей всегда хотелось? Произвести впечатление на Саймона, быть похожей на Тома. Но сейчас Вайолет просто сидела там, мокрая, измученная, в крови. И понимала, что это ещё не конец.

На берегу сгрудились зеваки. Мужчины и женщины кричали, толпясь вокруг тех, кого вытаскивали из воды, и смотрели на «Охотника». Со всех сторон раздавались возгласы: «Я видел его. Чёрное пламя!», и шёпот на разных языках: «*Miracolo, merveille*».

– Там был юноша... он взял меч... – произнёс чей-то голос рядом.

Вайолет с изумлением узнала того моряка, который обозвал её крысой и схватил за шкуру. Он спасся, как и остальные. Его фраза всколыхнула воспоминание о пленнике в трюме, о его лице, покрытом синяками. Кто же из всех этих мужчин, которых он спас, избивал его? Уилл спас всех на этом корабле. Только не себя самого...

Вайолет поднялась.

«Охотник» покачивался на воде, не привязанный. Доски перекидного мостика упали, и между корпусом судна и пристанью образовалась пропасть шириной в десять футов. Разрыв увеличивался.

Вайолет уже знала, что делать.

Как же долго она хотела проявить себя, доказать, что чего-то стоит – доказать Тому, отцу, Саймону. Но было что-то поважнее этого.

Вайолет посмотрела на корабль, разбежалась и прыгнула.

И будто попала в ад сразу после того, как оттуда удалось вырваться. Пустой и обезлюдевший «Охотник» опасно стонал, мачты были сломаны, палуба – расколота, а доски разбитой обшивки торчали во все стороны. Вокруг громоздились контейнеры с грузом, часть из них – развалилась. Над палубой висела половина рваного паруса.

Вайолет сглотнула, подавляя ужас, и спустилась по трапу в трюм, опасаясь, что сейчас снова увидит чёрное пламя, которое до сих пор ясно вспыхивало перед внутренним взором. Но в наполовину затопленном трюме царил темнота. Вода закручивалась воронками. Вайолет оттолкнулась и отчасти пошла, отчасти поплыла мимо перевёрнутых ящиков, мимо обломков и следов боя.

Уилл, всё ещё прикованный, сидел один в затопленном трюме и тяжело дышал, удерживая голову над водой и всеми силами стараясь не показывать свой страх. В руке юноша всё ещё сжимал меч, но Вайолет видела – каким-то образом он заставил ножны удерживать клинок внутри. Должно быть, таким же образом они и удерживали его, прежде чем ящик разбился.

– Можешь отпустить, – сказала она. Костяшки Уилла уже побелели от напряжения. – Отпусти. Пусть пойдёт ко дну вместе с кораблём.

Помедлив пару мгновений, он кивнул и отбросил меч. Вайолет проследила, как клинок, чуть мерцая, погрузился в воду, которая уже доходила до груди. Вскоре трюм полно-

стью затопит, вытеснив воздух, и «Охотник» погрузится на дно. По взгляду пленника становилось понятно: он знал, что спастись не удастся. Цепи надёжно приковали юношу к тонущему кораблю.

– Не надо было тебе возвращаться, – посмотрев на Вайолет тёмными глазами, произнёс Уилл.

– Ты сказал вывести всех, – ответила девушка.

С усилием она проталкивалась через воду, пока не оказалась рядом с юношей. Тяжело дыша, он устало улыбнулся, но на его лице читалось отчаяние.

– У тебя нет ключа, – заметил Уилл.

– Мне не нужен ключ, – ответила Вайолет.

Она нырнула под воду и схватилась за цепи.

Хранители назвали Тома Львом. Никто никогда не догадывался, что они брат и сестра и не только в его жилах течет сила. Вайолет напрягла мышцы.

Дерево раскололось, железо закрипело и высвободилось. Пленник удивлённо уставился на девушку. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга с изумлением и узнаванием, точно протягивали мостик через пропасть. В следующий миг Вайолет подхватила Уилла, который повалился без сознания ей на руки, и вскинула на плечо. Юноша оказался легче Тома, его было гораздо проще нести. Однако в хрупкой, будто недокормленной, оболочке заключалась сила воли, которая сумела спасти всех на корабле. Лицо пленника осунулось, скулы заострились, а на бледной коже выступали синяки. Вайолет была решительно настроена защитить его и во что бы то ни стало вынести в безопасное место, как бы трудно ни оказалось пробиться к берегу.

– Сюда! – позвал чей-то голос от трапа. Корабль снова содрогнулся, ещё больше накренившись, и весь трюм теперь оказался под наклоном. – Идите сюда!

Вайолет пробиралась сквозь воду на зов, а в следующий миг узнала, *кто именно* её окликнул, и всё внутри сжалось.

Воротник Хранителя был разорван и залит кровью, а мокрые волосы почти скрывали яркий знак звезды. Но сам мужчина остался в живых. «И вернулся», – поняла вдруг Вайолет, глядяваясь ему в лицо.

Он вернулся, чтобы выполнить обещание – как и она сама.

– Возьми меня за руку, – сказал Джастис.

Глава 5

– Мисс Кент, – мужчина обратился к Кэтрин напрямую, поскольку её опекуны – тётя и дядя – ещё не вышли из кареты, как и младшая сестра. – Боюсь, обстоятельства задержали лорда Креншоу. В доках произошёл несчастный случай.

– Несчастный случай? – переспросила Кэтрин. – Что же случилось?

Её багаж как раз доставали из кареты.

Сегодня она надела самое красивое платье из белого муслина с кружевом. Анабель, тётушкина горничная, часами пробовала на Кэтрин разные причёски, прежде чем остановилась на одной: золотые локоны ниспадали по обеим сторонам лица, а в волосы была вплетена нежно-розовая лента, чтобы подчеркнуть свежий румянец и яркую синеву глаз.

– Одно из судов моего господина потонуло в Темзе.

– Потонуло! – воскликнула Кэтрин.

Тётушка Хелен услышала эти слова и встревоженно уточнила:

– Надеюсь, с самим лордом всё хорошо?

– Это была грузовая баржа. Мой господин не пострадал. Он просил передать, что бесконечно сожалеет, но не сможет показать вам дом сам.

Дом. Их новый дом, который предоставил им жених Кэтрин, Саймон Крин...

Лорд Креншоу был старшим сыном графа Синклера, наследником титула и целого состояния. Говорили, его отцу принадлежала половина Лондона. А Анабель потом ещё прошептала: «Самая дорогая половина».

– Что вы, мы всё понимаем, – проговорила тётушка Хелен. – Прошу, покажите нам здесь всё.

«Дорогая, ты уверена?» – спрашивала она у Кэтрин в тот день, когда лорд Креншоу сделал девушке предложение. Они сидели на невысокой софе, и тётушка взяла племянницу за руки.

В свои шестнадцать лет Кэтрин ещё не доводилось бывать в высшем обществе, но тётушка и дядюшка устроили несколько небольших визитов в очень уважаемую компанию в надежде улучшить перспективы её замужества. Хоть Кэтрин и была дочерью уважаемого джентльмена, они с сестрой считались сиротами без приданого, и Кэтрин давно знала, что будущее её семьи зависит исключительно от возможности найти хорошую пару. Но шансы молодой девушки, стеснённой обстоятельствами, невелики.

– Эта девушка – редкая красавица, – сказала миссис Эллиот, разглядывая её сквозь линзы пенсне. – Как жаль, что у неё нет ни достойного приданого, ни связей.

Кэтрин помнила первый визит лорда Креншоу – целый вихрь приготовлений, то, как она пощипывала себя за щёки, чтобы те сильнее зарумянились. То, как тётушка заверила её, что всё хорошо и юной девушке в любом случае пока не подобает носить украшений. То, как Анабель выглядывала в окно из-за занавески.

– Какая же роскошная карета, – восхищалась горничная. – Блестящее чёрное дерево. Извозчик и два лакея так хорошо одеты. На дверце три чёрных пса – какой же благородный фамильный герб! – а по бокам позолота. – Мэри вздохнула. – А вот и сам господин, уже выходит. О, мисс Кент, он такой красивый!

И теперь, когда Кэтрин препроводили к парадному входу с высокими колоннами, откуда открывался вид на восхитительную террасу, девушка уже знала: ещё ни в одном своём решении она не была настолько же уверена, как в этом. Терраса, элегантный фасад, ровные ряды окон. В таком доме, очевидно, могло жить лишь самое благородное семейство.

За спиной кучер щёлкнул хлыстом, прикрикнув «Хейя!», и карета двинулась к конюшням за домом. Конечно же, хозяева такого великолепного дома должны иметь собственный экипаж.

В дверях Кэтрин обернулась к их провожатому, мистеру Прескотту, одному из поверенных лорда Креншоу – джентльмену с благородным морщинистым лицом и цилиндром поверх седых волос, и спросила его:

– А сам лорд Креншоу когда-нибудь жил здесь?

– Конечно же. Он часто останавливался здесь в юности. Летом он, разумеется, живёт в Рутерне вместе с отцом. А когда бывает в городе, то снимает дом на площади Сент-Джеймс.

Рутерн был фамильным поместьем в Дербишире. Лорд Креншоу описывал зелень холмов, фронтоны и веранды, южный стиль с пешеходными дорожками вдоль озера, по которым так приятно гулять летом. Рутерн затмевал собой любой дом лорда Креншоу в городе, и там хранились бесценные артефакты, которые он привёз со всего мира. Кэтрин уже представляла увитые плющом стены поместья и выступающую башенку с колокольней, а также ясно видела, каково будет бродить по территории, зная, что всё вокруг принадлежит ей.

– Значит, жил, – повторила Кэтрин, скорее себе самой.

Поверенный улыбнулся:

– Лорд Креншоу приказал переделать здесь многое специально для вас. Прежде этот дом был слишком... мужским для юной леди.

Стоило ей только войти в просторный холл с мраморным полом, Кэтрин поняла, что уже влюблена в этот дом. Отсюда она уже видела маленькую столовую с изящным фризом и красивыми карнизами – идеальное место, чтобы позавтракать горячим шоколадом. В гостиной напротив расположился красивый камин в классическом стиле, а ещё Кэтрин заметила рояль «Бродвуд»⁷, наверняка установленный для того, чтобы после обеда она могла сидеть и играть. Лестница вела на второй этаж, где должна находиться спальня, и девушка уже знала – комната будет очаровательна, с нежными шёлковыми покрывалом и подушками на кровати и занавесками на окнах.

– Мне нравился наш старый дом, – заявила Элизабет.

– Элизабет! – возмутилась тётушка.

Кэтрин посмотрела вниз и увидела хмурое лицо младшей сестры: бледной десятилетней девочки с тусклыми волосами и очень тёмными густыми бровями.

– Здесь ты будешь очень счастлива, – заверила Кэтрин сестру, погладив её по волосам. Она подумала об их уютном домике в Хертфордшире, со старинной мебелью и деревянными панелями. Но конечно же, их прежнее жилище нечего и сравнивать с особняком лорда Креншоу.

В ту ночь после предложения она сидела в постели с Элизабет, обсуждая перспективы, раскрывшиеся перед ней... перед ними всеми.

– Венчание состоится на Ганновер-сквер в соборе Святого Георгия, – восторженно говорила Кэтрин. – Я бы хотела, чтобы это случилось немедленно, но тётушка Хелен говорит, необходимо подождать, пока мне исполнится семнадцать. После этого мы будем жить в Рутерне, но обязательно будем приезжать погостить в Лондон. Лорд Креншоу будет содержать этот дом для тётушки и дядюшки, и ты сможешь оставаться с ними или с нами, когда только захочешь. Но надеюсь, ты предпочтёшь жить с нами! У нас будет гувернантка – такая, чтобы тебе нравилась. А ещё мой жених заплатит за твоё приданое, так что твои шансы найти себе достойную пару тоже увеличатся. Ох, Элизабет! Кто бы мог подумать, что мы будем так счастливы!

– Я не желаю выходить замуж за старика, – заявила та, строго нахмурив сросшиеся брови.

⁷ «Бродвуд», «Джон Бродвуд и сыновья» – старейшая в мире компания по производству фортепиано, основана в Великобритании в 1728 г.

– Ты будешь достаточно богата, чтобы выйти замуж за кого угодно, – заверила Кэтрин, нежно обнимая сестру.

– Прошу простить нашу младшую, – обратилась тётушка к мистеру Прескотту. – Этот дом просто невероятный.

– Позвольте познакомить вас с прислугой, – ответил доверенный. – Лорд Креншоу уже обо всём позаботился.

Прислуги оказалось намного больше, чем ожидала Кэтрин. Экономка, дворецкий и лакеи – для дома, повар и его помощники – для кухонь, а ещё кучер, конюхи и множество горничных, приседающих в реверансах, – им девушка вовсе потеряла счёт.

Тётушка приветствовала каждого, задав ряд вопросов, касавшихся ведения домашнего хозяйства. Кэтрин обрадовалась, узнав, что у неё будет собственная горничная – миссис Дюпон. Это оказалась молодая темноволосая женщина с элегантной причёской, идеально подходящей для горничной состоятельного дома. В радостном волнении Кэтрин думала, что миссис Дюпон могла бы быть француженкой, учитывая фамилию. А ведь служанка-француженка – это истинный признак утончённости! У миссис Дюпон не было французского акцента, но она сразу же расположила к себе Кэтрин, когда сказала:

– Ох, мисс Кент, вы ещё прекраснее, чем о вас говорят! И вам так идёт новая причёска.

Кэтрин было очень приятно – она уже представляла себе платья, которые теперь у неё будут.

– Вы слышали, как меня описывают?

– Лорд Креншоу часто говорит о вас и всегда отзывается высоко.

Конечно же Кэтрин знала, что лорд Креншоу о ней хорошего мнения. Она ведь заметила это в их самую первую встречу – его внимательный изучающий взгляд. В свои тридцать семь мужчина уже годился ей в отцы, но в его идеально подстриженных волосах, темных, как и глаза, не было и намёка на седину. И Анабель, тётушкина горничная, уверяла, что лорд мог похвастаться потрясающей фигурой. Девушка с лёгкостью представила, как он осматривает обширные владения верхом на скакуне либо раздаёт указания целому штату слуг.

Леди Креншоу. Думать о себе так было внове и каждый раз вызывало невольное волнение. Можно будет посещать балы и собрания и даже самой устраивать изысканные приёмы. Каждый сезон у неё будут новые платья.

Когда Кэтрин задумалась, что, наверное, теперь, раз уж она не просто юная леди, а невеста, ей будет позволено носить немного украшений, миссис Дюпон указала на ближайшую лестницу.

– Давайте поднимемся в вашу комнату...

От этого движения рукав платья горничной чуть сдвинулся.

– Что случилось с вашим запястьем? – спросила Кэтрин.

Миссис Дюпон поспешно одёрнула рукав.

– Прошу прощения, мисс Кент. Не хотела, чтобы вы это увидели.

Кэтрин не сразу сумела отвести взгляд. На запястье миссис Дюпон она увидела ожог в форме буквы «С».

Девушка всё же посмотрела в сторону, чувствуя внутри странную тревогу. Миссис Дюпон ведь не виновата, что получила ожог, и как неправильно волноваться о таком. Но Кэтрин поняла, что беспокоит её не сам ожог. Было что-то в самой букве «С»...

– А как потонула баржа? – спросила Элизабет.

Мистер Прескотт обернулся на детский голос, и тётушка с дядюшкой последовали его примеру. Кэтрин уже приоткрыла было рот, чтобы велеть сестре замолчать, когда тётушка задумчиво проговорила:

– И правда ведь странно, чтобы судно пошло ко дну на реке.

Слуги посмотрели на неё, потом обменялись взглядами. Мистер Прескотт ответил не сразу, но выглядел обеспокоенным, словно не желал сообщать что-то. Кэтрин внимательно ждала ответ. Все они что-то знали – что-то, чего не знала она сама.

– Так что случилось?

Через паузу мистер Прескотт проговорил небрежно, словно о каком-то пустяке:

– Поговаривают, что несчастный случай подстроен кем-то из недоброжелателей. Лорд Креншоу уже послал людей на поиски юноши, которого считает ответственным за происшествие.

– Юноши? – переспросила Кэтрин.

– Да, но не извольте беспокоиться, – заверил мистер Прескотт. – Скоро мы найдём его.

Глава 6

Медленно приходя в себя, Уилл заставил себя не шевелиться. Он чувствовал, как колется торчавшая из тюфяка солома, ощущал прелый запах: срезанное сено слишком долго оставалось в поле. А ещё зловоние от несвежего пива и от потных тел всех тех, кто спал на этом матрасе, – его явно не проветривали. Похоже, сейчас Уилл находился в какой-то гостинице. До него доносились голоса.

– Никогда не видела ничего подобного, – говорила девушка.

– Никто не видел, – тихо ответил ей мужчина. – Я не знаю никого, кому под силу вложить Осквернённый Клинок обратно в ножны. Но что бы ни сделал этот мальчик, похоже, ему пришлось за это поплатиться.

Уилл лежал очень тихо, понимая, что речь идёт о чёрном мече с корабля. Притворяясь спящим, юноша тщательно подмечал всё вокруг. Его не сковали. Синяки от побоев и порезы пульсировали, а волосы всё ещё оставались влажными, но он больше не чувствовал ледящий холод с реки. Оба голоса казались знакомыми.

– Кто... Кто он такой? – Девушка старалась говорить тихо.

– Мне ведомо лишь, что он ранен и что Саймон зачем-то хотел его получить.

– Уилл просто потерял сознание. Я не била его. Ничего такого, – добавила собеседница, словно оправдываясь. – Когда он очнётся...

– Он уже очнулся, – ответил мужчина.

Уилл открыл глаза и натолкнулся на пристальный взгляд Джастиса. Его волосы цвета воронова крыла обрамляли удивительное благородное лицо. На корабле воин проявил сокрушительную силу, орудуя палашом, и позже, когда боролся с поднимавшейся водой, после чего прорвался сквозь толпу людей на судне, как воплощение самой надежды.

– Теперь надобно решить, что делать дальше, – проговорил Джастис.

Коричневый плащ скрывал его странную одежду, но мужчина всё ещё носил при себе меч. Уилл видел, как плащ топорщился поверх оружия.

В этой грязной комнате со стенами, покрытыми потрескавшейся штукатуркой, Джастис выглядел ещё более неуместно, чем на корабле – словно скульптура героя, ожившая в совсем не подходящей для этого обстановке.

Позади него, опустив плечи, сидела девушка с привлекательными, хоть и похожими на мальчишеские чертами лица и яростным хмурым взглядом – Вайолет. Она вернулась за ним, Уилл помнил это ясно. Теперь их обоих объединял секрет о её невероятной силе. Эта незримая нить протянулась между ними после того, с чем довелось столкнуться вместе.

А вот то, как Джастис и Вайолет смотрели на Уилла, было ново: настороженно, словно он представлял собой опасность, и они не знали, чего ожидать. Вспомнилась та ночь в Боухилле: нападение, отчаянные слова матери перед смертью, постоянное преследование. А ведь юноша даже не знал, почему те люди гнались за ним и почему пытались убить... Только тот взгляд и нож, направленный на него...

Уилл приподнялся и сел на матрасе, игнорируя резкую боль и приступ головокружения.

– Мне нужно уйти.

Справа находилась дверь, единственный выход отсюда. Окна закрывали ставни, выкрашенные в чёрный цвет и снабжённые тяжёлыми деревянными щеколдами. Толстые оштукатуренные стены заглушали большую часть звуков, но снизу, из-под деревянного пола, доносились тихие голоса. Похоже, эта комната располагалась на самом верхнем этаже гостиницы. Сердце забило от хорошо знакомого застарелого страха.

Первое правило, которое пришлось усвоить Уиллу, – держаться подальше от постоянных дворов, потому что за ними постоянно наблюдали. Как и за дорогами.

- Всё хорошо. Мы выбрались с корабля, – сказала Вайолет. – Ты в безопасности.
– Никто из нас не в безопасности, – возразил Джастис.

Он приблизился вплотную к Уиллу, который постарался не вздрогнуть, когда ощутил кожей движение воздуха от опавшего плаща мужчины. Затем изучил юношу, каждый синяк и порез на его руках и на лице, потом посмотрел ему в глаза и тихо добавил:

- Полагаю, ты понимаешь это даже лучше, нежели мы. Не так ли?

Уилл чувствовал себя уязвимым. Его *видели* насквозь – впервые с тех пор, как он ударился в бега. Эти двое знали, что Саймон хотел заполучить его. Возможно, они знали и что-то ещё, например, ответы на вопросы: почему он убил мою мать? Почему преследует меня?

В конце концов, оба его спутника являлись частью всей этой истории, как таинственное отражение в зеркале, медальон и та ужасающая вспышка чёрного пламени. То, как Джастис сражался на судне, казалось просто физически невозможным. Он бросил молодого мужчину из одного конца трюма в другой. Воин был так же невероятно силён, как и Вайолет, которая разорвала цепи.

Любой из них обладал достаточной мощью, чтобы разорвать Уилла надвое. Но куда больше его пугало то, *что* они могли знать о нём.

- Понятия не имею, о чём вы, – он постарался, чтобы его голос звучал ровно.

Джастис снял с пояса висевшую там, словно чётки у монаха, тонкую серебряную цепочку с закреплённым на конце большим осколком белого халцедона, гладкого точно галька.

– Это – реликвия моего ордена, – сказал вместо ответа мужчина. – Помогает раненым. – Он взял со стола помятую жестяную кружку и начал наливать воду из кувшина, удерживая цепочку так, чтобы влага стекала по камню. – Вот, выпей-ка.

- Я в порядке, – возразил Уилл.

– Говорят, после битвы при Оридесе основатель нашего ордена исцелял раненых с помощью этого камня. Их было так много, что все трещины и сколы реликвии сгладила вода. Невзирая на угасающую силу халцедона – сие чудо для тех, кто ничего не знает о старом мире.

Соприкасаясь с камнем, влага искрилась, сверкала словно чистейший родник в солнечных лучах. Уилл почувствовал то же покалывание, как когда заглянул в зеркало. Джастис назвал это чудом.

Мужчина передал кружку с лежащим на дне камнем. Серебряная цепочка свисала через край. Уилл невольно взял её, хотя собирался просто отодвинуть. Блики, отражённые реликвией, падали ему на лицо, как солнечный свет.

Юноша поднёс кружку к губам. Вода оказалась прохладной – то, что надо. Головокружение отступило, как и тяжёлая усталость, которую он испытывал с тех самых пор, как поднялся на корабль. И хотя порезы не затянулись чудесным образом, казалось, что боль от побоев немного утихла и даже дышать стало легче.

– Наше краткое пристанище носит имя «Белый Олень», – объяснил Джастис. – И ты прав. Нам нельзя оставаться в гостинице надолго.

- Я уже сказал: мне нужно уйти, – Уилл попытался встать.

– Ты едва в состоянии самостоятельно передвигаться, – покачал головой Джастис. – И ошибаешься, если полагаешь, будто на улицах Лондона будет безопаснее. У Саймона целая сеть соглядатаев. Только Чертог вне его власти. Нужно дождаться ночи и придумать, как пробраться туда.

- Чертог? – переспросил Уилл.

- Не думаю, – произнёс Джастис, – что вы двое понимаете, во что оказались втянуты.

Уилл невольно посмотрел на Вайолет. Тёмные кудрявые волосы коротко пострижены, как у мальчишки, а смуглую кожу на лице покрывают веснушки. Одежда хоть и походит на то, что носил он сам – брюки, жилет и камзол, – однако гораздо лучшего качества.

«Вы двое...» Юноша не знал, как его нынешние спутники оказались связаны. Последнее, что помнил Уилл: он пытался сделать шаг, закинув руку на плечи Вайолет, а потом его захлестнула слабость. Перед этим Джастис сражался с людьми Саймона, и девушка была на их стороне. А сейчас оказалась здесь – стояла у закрытых окон, напряжённая. Мужчина обошёл единственные из предметов мебели в комнате стул и стол, после чего сосредоточил внимание на Уилле.

– Так расскажите мне, – проговорил тот.

– Вот что известно мне, – сказал Джастис. – Саймон искал мальчика и его мать на протяжении семнадцати лет: следил за дорогами, за гостиницами и за портами в этой стране, на материке и за его пределами, вплоть до самых отдалённых уголков своей торговой империи. Объекты же интереса успешно скрывались, всегда оставаясь на шаг впереди. До тех самых пор, пока девять месяцев назад Саймон всё же не обнаружил и не убил их обоих. – Мужчина подался вперёд, пристально глядя на Уилла. – Прошлой ночью я следил за кораблём из укрытия и увидел, как Лев выкрикивал приказы под дождём, а люди с горящими факелами под покровом ночи вели на борт пленника. Я думал, что это мой брат по оружию Маркус. Но это оказался кое-кто другой.

– Понятия не имею, какое отношение всё это имеет лично ко мне, – сказал Уилл и невольно затаил дыхание, вспомнив, и как скрывался все эти месяцы, и страх в глазах матери на протяжении многих лет до того.

– Действительно? – уточнил Джастис. – Хоть я и не могу призвать Клинок, мне довелось повидать и сразиться с тёмными и опасными существами. И Саймон – самый опасный из них. Поелику он обратил на тебя свой взор, скрыться и сбежать уже не удастся.

– Это невозможно, – вмешалась Вайолет. – Саймон – обычный купец. Он суров, но все докеры такие. А вы говорите о нём, словно... Он не убивает женщин и детей.

– Вы действительно полагаете, что всё это – просто торговые операции? – спросил Джастис. – Вы видели клейма на запястьях людей Саймона. Видели неестественную силу того, кого называют Львом.

– Вы имеете в виду того юношу, с которым сражались, – уточнила Вайолет.

– Юноша, который взял в плен вас обоих, – ответил Джастис.

«Вас обоих?» Уилл невольно посмотрел на девушку, которая залилась виноватым румянцем. Она точно не была пленницей, так как сама подхватила того юношу, Льва, и вытащила его с тонущего корабля.

Уилл вдруг понял, что Джастис этого не знает. Как и о том, что Вайолет работала на Саймона, а считает её пленницей, потому и привёл сюда.

Теперь стало ясно, почему они действовали как союзники. И почему девушка так нервничала, а Джастис доверял ей и спокойно поворачивался спиной, словно не замечая угрозы. В темноте трюма, в хаосе боя он, похоже, просто не видел, кто его оглушил.

Джастис никак не мог знать, что Вайолет оставила его плавать в воде лицом вниз без сознания, а вместо него спасла Льва Саймона.

Уилл помнил, как остался один, измученный. А трюм постепенно затапливало, и чёрная вода бурлила вокруг, поднимаясь все выше. Вложить кошмарный меч в ножны удалось, а вот сбежать с корабля – нет. Держали цепи, прикованные к тяжёлой балке. Тогда юноша думал, что всё кончено, что все попытки сбежать привели его в тёмный тупик, который вскоре станет водной могилой.

А затем поднял взгляд и увидел сердитое лицо Вайолет, стоявшей на ступеньках. Она пробралась вперёд, положила руки на плечи, сорвала цепи. И вот Уилл очнулся в гостинице, хотя уже и не надеялся, что когда-либо придёт в себя.

– Да, – подтвердил он без заминки, намеренно не глядя на Вайолет, а только на Джастиса. – Юноша, который взял нас обоих в плен.

– Создание Саймона, – с отвращением произнёс тот. – Он поклялся служить господину, как и положено Льву. Это в его крови.

Уилл скорее почувствовал, чем увидел, как Вайолет отреагировала на эти слова.

– Вы ведь знаете, не так ли? Знаете, что объединяет все эти... – он мог бы сказать «чудеса», как выразился сам Джастис, а мог бы подобрать собственное определение – ужасы. – Все эти странные неестественные вещи.

Женщина с глазами, как у мамы, в зеркале... Меч, источавший чёрное пламя на корабле... Мэтью, который передал странный медальон, а потом погиб... Уилл никогда не забудет мёртвые глаза слуги и то, как они слепо вглядывались в дождь...

– Я не могу поведать тебе всё, – ответил Джастис, понизив голос. – Даже для моего ордена многие тайны по-прежнему скрыты. А некоторые истории рассказывать слишком опасно даже при свете дня.

– Я видел... разное. И знаю, что Саймон – опасный человек, – произнёс Уилл. – Никто не выжигает собственное имя на телах своих людей.

– Ты думаешь, «С» на его клейме означает «Саймон»? – покачал головой Джастис. – Или, быть может, «слуга», «смирение»? Нет, эта буква – символ чего-то гораздо более древнего. Ужасная печать, имеющая власть над его последователями. Власть, которую они даже не понимают до конца.

– Что это за символ? – спросил Уилл.

Джастис просто смотрел на него, явно зная ответ. Это клеймо казалось древней, злой, хищной тайной, словно именно она, а не люди, носившие тавро, преследовала Уилла. Его сердце забилося чаще, будто что-то огромное и очень важное приблизилось к самой границе восприятия – но так, что не дотянуться.

После долгой паузы Джастис подвинул стул и сел, наполовину скрытый тенью, как и тяжёлым коричневым плащом, и произнёс:

– Это всё, что я могу вам рассказать. – Свет в комнате стал ещё тусклее: – Давным-давно мир был полон чудес. Магии, как вы бы это назвали. Огромные башни и дворцы, благоуханные сады, необыкновенные диковины...

Казалось, эта история знакома Уиллу, хотя он никогда её прежде не слышал.

– В том самом мире появился Тёмный Король. Его сила росла, и он убивал всех, кто стоял у него на пути, – в комнате горела одна-единственная свеча, и её пламя колебалось, размывая черты Джастиса. Уилл почувствовал, что почти задыхается, что каждое слово точно заклинание выплетает образы старого мира в его сознании. – Это была эпоха ужаса. Тень Тёмного Короля окутала все земли. Целые армии разбивались о его мощь. Города пали, разрушенные его ордами. Герои отдавали жизни, чтобы удержать его хотя бы на мгновение. Огни мира гасли один за другим, доколе не остался лишь светоч – Последнее Пламя. Оставшиеся борцы с тьмой собрались рядом с ним на последний бой.

Уилл видел всё это – островок света в окружении тёмной бездны, и посреди неё – фигуру, облечённую невероятной силой, увенчанную бледной короной.

– Они сражались, – продолжал Джастис, – пока земля не была очищена. Они сражались за свою жизнь и за все будущие поколения. И благодаря их великой жертве Тёмный Король всё же оказался свергнут...

– Но как? – Уилл, совершенно поглощённый рассказом, казалось, словно сам оказался там, измученный боем, чувствуя жар пламени и привкус пепла на губах.

– Этого никто не знает, – ответил Хранитель. – Но его поражение дорого обошлось всем. От того мира ничего не осталось, всё лежало в руинах. Выживших оказалось слишком мало. Минули годы, и всё потонуло в тишине времени. Трава проросла на полях боя, где когда-то сражались армии. Дворцы стали не более чем россыпью камней, забытыми творениями мёртвых... Понемногу люди заселили эти земли, построили города, не зная, что находилось здесь

прежде. Ибо тот мир – это наш мир, только утративший все чудеса, кроме крохотных осколков вроде этого камня. А со временем и последние реликвии истают, обратятся в ничто.

Джастис поднял белый халцедон, покачивавшийся на конце цепочки словно маятник гипнотизёра.

«Осколок некогда великого мира...» – подумал Уилл.

– А Саймон? – спросил он, будто только сейчас вынырнув из зачарованного сна и с удивлением обнаружив вокруг себя обычную комнату в гостинице – словно и не было никаких образов прошлого.

– Саймон – потомок Тёмного Короля, поклявшегося вернуться и снова захватить своё королевство, – ответил Джастис, и взгляд его омрачился. – И делает всё, чтобы помочь ему снова занять трон.

Словно порыв ветра пронёсся по комнате, и Уиллу вдруг стало очень холодно.

«Саймон делает всё, чтобы вернуть его...»

Эти слова звенели в его разуме, и он боялся того, что оставалось пока за закрытыми ставнями. Люди Саймона с клеймом в виде буквы «С» на запястьях убили мать Уилла, а потом преследовали его самого, чтобы тоже убить.

Старый мир, Тёмный Король – всё это казалось невозможным. И всё же присутствие той самой фигуры в бледном венце ощущалось так реально, словно она была сейчас прямо здесь, с ними.

Белый халцедон покачивался на цепочке, и Уилл откуда-то знал, что этот артефакт – не единственный осколок старого мира. Таковым был и чёрный меч на корабле – ужасающее оружие, раскопанное Саймоном для смертоносных целей. При одном воспоминании о клинке Уилл невольно вздрогнул.

– Такого не пишут в книгах по истории, – потрясённо проговорил он.

– Не всё, что записано, случилось на самом деле, – ответил Джастис, – и не всё, что случилось, записали, – он выглядел встревоженным. – Только в моём ордене помнят об этом. Только мы блюдем древние традиции, и не случайно именно сейчас Тёмный Король протянул руку сквозь время, ведь наши ряды редуют.

Плащ соскользнул с левого плеча Джастиса, и Уилл увидел сразу две вещи. Во-первых, ткань на рукаве от запястья до плеча покраснела от крови. Мужчина получил пулю, заслонив Вайолет, так как думал, что спасает её от людей Саймона. Во-вторых – испачканный, потёртый, но всё ещё чёткий символ на облачении: белая звезда с лучами разной длины, похожая на компасную розу.

«Яркая звезда по-прежнему сияет...» – вспомнил Уилл.

– Вы – Хранитель, – произнёс он и вдруг вспомнил о медальоне, который носил под рубахой.

Люди Саймона не забрали его, не найдя ничего интересного в тусклом покорёженном куске старого металла.

– Наш священный долг состоит в том, чтобы противостоять Тьме, – ответил Джастис. – Но если Саймон добьётся своего, одних нас будет недостаточно. Когда Тёмный Король обрёл власть, все пали пред ним. И единственным, кто мог его остановить...

Уилл почувствовал, как это знание рвётся изнутри, словно оно часть его.

– Единственной, – поправил он. – Это была женщина.

Он вспомнил незнакомку в зеркале, древнюю и прекрасную, с глазами, полными той же решимости, что и у матери Уилла. Он вспомнил, как его буквально обожгло узнаванием, когда их взгляды встретились. И казалось, она тоже узнала его.

– Она смотрела на меня так, словно знала, кто я.

Что-то внутри сжалось.

– Ты видел её?

– В зеркале, – на миг Уилл прикрыл глаза, почувствовав тепло металла на груди, но потом всё же решился. – На ней было вот это.

Дрожащими пальцами юноша расстегнул грубую рубаху, вынул потёртый медальон. Тот покачивался на кожаном шнурке – пятилистный цветок, на котором выгравированы слова на странном языке. И теперь эти слова обретали новый смысл:

*Когда придёт время для новой битвы, я не смогу сражаться.
Потому у меня будет дитя.*

Джастис замер.

– Откуда это у тебя?

Уилл подумал о Мэтью, старом слуге матери, вспомнил его невидящие глаза, его промокшую насквозь одежду.

– Он принадлежал моей матери.

Джастис резко выдохнул и в следующий миг сунул медальон обратно под рубаху юноши, помешав ему задать вопрос, прошипев:

– Не показывай его больше никому. – Мужчина выглядел потрясённым, и Уилл понял, что в самом деле лучше спрятать медальон и зашнуровать рубаху. – Нужно отвести тебя к Старейшине Хранителей. Я явился на тот корабль в поисках Маркуса, моего брата по оружию, но встретился с тем, что мне не по силам, – Джастис серьёзно взглянул на него. – Но клянусь защищать тебя даже ценой собственной жизни. Мой меч к твоим услугам. Я не позволю Саймону забрать тебя. – Хранитель на секунду прикрыл глаза, словно даже ему был ведом страх. – Полагаю, после твоего побега он перероет весь Лондон, лишь бы снова найти тебя.

«Ты должен пойти к Хранителям», – сказал Мэтью. Джастис мог дать ответы на интересующие вопросы и пока единственный из всех встреченных противостоял Саймону. А ещё, похоже, понимал, с чем имеет дело.

Уилл кивнул.

– До заката осталось недолго, – проговорил Джастис. – Как только стемнеет, мы можем отправиться в Чертог, все втроём.

– Все втроём, – повторил Уилл, думая о странном союзе, сложившемся там, в сплаве воды и чёрного пламени, и обернулся, ища взглядом Вайолет.

Её нигде не было.

Глава 7

С колотящимся сердцем Вайолет выбежала на улицу и окунулась в привычные звуки Лондона: цокот копыт, восторженный лай собаки, крик газетчика: «Свежие новости!» Мимо проехал дилижанс. Какой-то мальчишка выпрыгнул перед телегой с водой, и извозчик небрежно окрикнул его: «Смотри, куда лезешь!»

Вайолет удивлённо моргнула – всё казалось таким нормальным, обыденным. Совсем не как в гостиничной комнате с темноглазым юношей на кровати и мужчиной, одетым как какой-нибудь древний рыцарь и вещающим о событиях давно исчезнувшего мира. Магия и Тёмные Короли... Уилл слушал рассказ Джастиса так, словно верил каждому слову. И сама Вайолет, вспоминая чёрный огонь на борту «Охотника» и видя, как синяки исчезают с лица избитого пленника после глотка воды из кружки с белым камнем, в какой-то миг начала верить.

А о Томе Джастис говорил так, словно тот был...

Будто тот был чудовищем. Будто и в самом деле мог выследить женщину и убить её. Будто служил неким тёмным силам, причём по доброй воле. *«Создание Саймона. Это в его крови...»* Ужас начал душить Вайолет, когда она вспомнила, как Том, весь забрызганный кровью, вонзил железный штырь в грудь той женщины на борту «Охотника». *«Давным-давно существовал мир, который уничтожили битвы с Тёмным Королём...»*

Слева от девушки кто-то рассмеялся. Группа молодых людей в грубых рубахах с закатанными рукавами прошла мимо неё, хлопая друг друга по спине и посмеиваясь над какой-то шуткой. Вайолет вздохнула, покачав головой.

Улица оставалась просто улицей. Никаких преследователей, никаких теней, подсланных Саймоном. Конечно же, ничего этого не существовало! Эти истории были всего лишь историями! Все знали, что в Англии магии не существует, а единственный настоящий король – это Георг.

Вайолет поспешила дальше.

Наверняка её брат сейчас на складе Саймона: как только он очнулся, откашлялся и выплюнул воду, то настоял, что продолжит работу. Том увидит сестру, обнимет, взъерошит ей волосы и будет рад её видеть так же, как и она его. И между ними всё станет как раньше.

Никому не нужно знать, что Вайолет помогла Уиллу сбежать.

Она отодвинула разбитую доску в заборе и проскользнула во двор, где обычно грузили товар. Будучи внебрачной дочерью купца, она выросла в этих доках и частенько подыскивала здесь себе случайный заработок, а иногда по ночам даже тайком убегала из неродного дома, чтобы заснуть среди аккуратно составленных контейнеров или просто посидеть, глядя на яркие огни кораблей. Сейчас, взобравшись на ящики, Вайолет посмотрела на реку, которая стала ей вторым домом.

И похолодела.

Здесь как будто произошёл взрыв. Огромные участки суши выдолблены и выжжены там, где их хлестали плети чёрного пламени. Груз, разбитый, насквозь промокший, вытащили на берег. Причал разрушен и покорёжен, а в воде плещутся обломки дерева.

На берегу у лебёдки трудились докеры. Группа людей запрягла четырёх лошадей в тяжёлых хомутах и ритмично кричала: «Эй, хо!», а животные тянули.

Волна ужаса захлестнула Вайолет. Реку прочёсывали в поисках Осквернённого Клинка.

«Нет, нет, нет». При одной мысли о том, что артефакт вернётся к Саймону, что-то внутри переворачивалось. Девушка вспомнила леденящий ужас, испытанный в трюме, когда одного из людей Креншоу рвало чёрной кровью.

Меч найдут... Казалось, все в доках занимались поисками. Люди Саймона поднимались на баржи с сетями и длинными баграми. А где-то внизу, на дне, ждал зловещий клинок, и ножны едва сдерживали его оскверняющую силу и тот ужас, который он излучал.

Девушка вспомнила, как чёрное пламя пробило корпус корабля, как люди вокруг заживо гнили изнутри...

Сейчас, глядя на обломки, Вайолет осознала весь масштаб того, что сотворил чёрный клинок, и подумала об археологических раскопках Саймона, о его торговых аванпостах, о его империи, распространившейся по всему миру – вот как удавалось доставать из-под земли странные вещи и привозить их сюда, в Лондон. Как этот тёмный меч, способный расколоть корабль надвое.

«Не думаю, что вы оба понимаете, во что оказались втянуты», – сказал Джастис.

– Опрокинулся, – донеслись голоса из толпы, собравшейся на берегу. Люди пытались найти увиденному нормальное объяснение, хотя в произошедшем не было ничего нормального. – Может, помпа взорвалась. Чёртова погода.

Вайолет отвела взгляд от обломков. Берег буквально кишел зеваками, но докеры Саймона сдерживали их. Она заметила несколько курток, отличавших охрану и полицию Темзы. А потом разглядела тёмно-рыжую шевелюру...

«Том!»

Завидев его, Вайолет тут же слезла с ящиков, держась в стороне от любопытных взглядов, проскользнула между вытасканными на берег контейнерами с грузом и увидела, как Том поздоровался с Максвеллом, капитаном «Охотника». Пока эти двое шли вперёд, девушка следовала за братом, стараясь удерживать в поле зрения его необычного цвета волосы.

Том и Максвелл остановились на противоположной стороне от сложенного штабелями пробкового дерева и принялись тихо переговариваться. Вокруг больше никого не было. Идеально для незаметного возвращения домой.

Вайолет уже шагнула вперёд и открыла рот, чтобы окликнуть брата, как услышала:

– ...в результате нападения погибли тридцать девять человек. В воде больше нет тел. Юноша пропал.

– А девушка?

Мужчиной с каштановыми волосами оказался не Том. Это был её отец.

Детская привычка заставила Вайолет замереть и со жгучим чувством вины, словно учинила какую-то неприятность, инстинктивно отступить в затенённое пространство между штабелями пробкового дерева.

– Где Вайолет, Максвелл? – Плечи отца, стоявшего спиной к девушке, были напряжены, и говорил он отрывисто, пытаясь сдерживать гнев.

– Её нигде нет, – ответил капитан.

– Значит, ищите лучше. Её нужно найти.

– Мистер Баллард... Я видел, как она прыгнула обратно на борт... Не знаю, кто мог бы выжить там...

– Она не может умереть, – прервал его отец, а когда Вайолет уже шагнула вперёд и открыла рот, чтобы крикнуть: «Я здесь!», добавил: – Эта глупая полукровка нужна мне живой.

Вайолет резко остановилась. Эти слова хлестнули её точно пощёчина. Казалось, всё вокруг замерло, застыло в неестественной тишине. Девушке не хватало воздуха.

– Том, может, и обладает Львиной кровью, – продолжал отец, – но не сумеет войти в полную силу, пока не убьёт себе подобного. Не для того я приютил в своём доме маленького ублюдка, унижая собственную жену и подрывая своё социальное положение, чтобы неблагодарная девчонка сдохла раньше времени.

Вайолет почувствовала, как ударилась о ящик, и только тогда поняла, что всё-таки шевельнулась. С силой она закрыла рот кулаком, чтобы удержаться от возгласа, и уставилась на отца, не веря собственным ушам.

– Мы продолжим поиски, – ответил капитан Максвелл. – Если она выжила, мы обнаружим её.

– Так давайте. И ради всего святого, не пугайте девчонку. Скажите, что брат звал её. Скажите, он жалеет, что говорил с ней так резко, и скучает. Ради одобрения Тома она сделает всё, что угодно.

Не видя ничего перед собой, Вайолет отступала назад. Она едва осознавала, что происходило вокруг, и даже не думала о том, что её могут поймать. Она просто пыталась сбежать, но ноги подкашивались от ужаса.

Вайолет проталкивалась между штабелями пробкового дерева и не слышала приближавшиеся голоса и шаги, как вдруг чья-то рука схватила её и втащила в безопасное пространство за контейнерами.

Парой мгновений позже отец и капитан Максвелл завернули за угол и прошли как раз мимо того места, где только что стояла девушка.

В тускло освещённом пространстве между контейнерами она смотрела на потрясённое лицо Уилла.

– Отпусти меня! Отпусти! У тебя нет никакого права!

– Я всё слышал, – сказал он. – Я слышал, что они сказали.

Вайолет бросило в жар, потом в холод.

Значит, Уилл всё слышал – слышал слова, от которых её била дрожь и всё внутри сжималось. Осознание этого ужасало.

– Тебе нельзя обратно к ним.

Уилл удерживал её за плечи, прижимая спиной к контейнеру. Вайолет могла бы с лёгкостью оттолкнуть юношу, но всё никак не могла унять дрожь. Сил у неё было предостаточно. Если б только...

– Зачем ты здесь? – хрипло спросила она. – Если они тебя найдут...

– Не найдут.

– Откуда тебе знать.

– Если найдут, – сказал Уилл, – пойдём вместе.

– Почему ты...

– Ты спасла мне жизнь, – просто ответил он.

Она вспомнила, что Саймон потратил годы, выслеживая его, а потом приковал к перекладине в трюме корабля, наполненного странным грузом. И всё же Уилл пошёл сюда, за ней.

– Все, кто мне помогал, мертвы, – сказал юноша. – Я не хотел, чтобы и ты тоже...

Вайолет уставилась на него. Он вернулся прямо в средоточие сил Саймона. И всё слышал – слышал слова, обнажившие ложь, в которой она жила. *«Том не сможет войти в полную силу, пока не убьёт себе подобного»*. Отец планировал принести собственную дочь в жертву. А Том? Знал ли Том? Знал ли он, что собирался сделать их отец?

– Пойдём со мной, – проговорил Уилл.

– Он – мой отец, – сказала Вайолет. Если бы только она могла унять дрожь... – А Том – мой брат. Лев.

Когда они были детьми, то всё делали вместе. Отец всегда поощрял их близость, как поощрял и то, что Вайолет жила в его доме, обосновывая тем, что она той же крови, что и Том. Ей стало тошно.

Девушка вспомнила, каким обычным и нормальным казался этот день до того, как привычный мир разрушили Хранители, Львы и меч, извергавший чёрное пламя.

Нет, этот день не был обычным и нормальным. Том получил клеймо Саймона, выжженное на коже. Вайолет помнила запах горелого мяса, как и избитого юношу, прикованного в трюме.

– То, что рассказывал Джастис... – с усилием проговорила девушка. Зубы у неё стучали. – Как думаешь, это правда?

– Не знаю, – признался Уилл. – Но как бы там ни было, теперь мы оба – часть всего этого.

– Поэтому ты хочешь, чтобы я пошла с тобой?

– Я хочу получить ответы, как и ты. Раньше я уже пытался сбежать. Но всё, что происходит... Нельзя скрыться от того, что является частью тебя. И ты тоже не сумеешь.

– Но они – моя семья, – возразила Вайолет.

– Саймон и у меня забрал семью, – ответил Уилл.

Она его совсем не знала. Синяки на коже бывшего пленника побледнели, почти исчезли, и теперь он выглядел совсем иначе – как уважаемый конторский служащий. Впечатление портили только высокие скулы и пристальный взгляд, а ещё тёмные волосы и чересчур бледная кожа, полускрытые под кепи, и выцветшая, порванная на плече синяя куртка.

– Хранители ненавидят Львов. Ты не слышал, что они говорили там, на корабле, – покачала головой Вайолет и вспомнила, что затем Том убил их всех. – Кем бы я ни была, вряд ли мне обрадуются.

– Необязательно говорить им, кто ты, – проговорил Уилл. – Мы не должны становиться заложниками своей судьбы. Никто, кроме тебя самой, не представляет, кто ты на самом деле.

В тот миг Вайолет со всей ясностью поняла: да, она пойдёт с этим юношей, которого едва знала.

– Он же здесь, да? Джастис. – Мужчина, который ненавидел Львов. Который сражался с её братом и едва не убил его. Который мог бы расправиться и с ней, если бы проведал, кто она такая. – Ты идёшь с ним к Хранителям, да?

Джастис, который получил пулю вместо Вайолет там, на тонущем корабле.

Который думал, что она пленница Саймона и подруга Уилла.

Юноша коротко кивнул.

– Я должен узнать, кто я, и чего хочет от меня Саймон.

Он ведь солгал Джастису – ради неё, – а теперь вернулся за ней, чтобы помочь. Они оказались втянуты во всё это вместе. И да, ей очень нужны были ответы.

Вайолет прикрыла глаза и проговорила:

– Тогда я с вами.

* * *

Стемнело, но на берегу, где продолжались спасательные работы, горели фонари и факелы. Тени и темнота позволили беглецам скрыться, незаметно ускользнуть.

Уилл здорово умел прятаться. Этот его навык был порождён необходимостью. Если обнаружат Вайолет, ей просто надают оплеух. Но если схватят пленника – его убьют. Он ловко скользил в тенях, зная, когда нужно замереть, а когда – двигаться дальше.

Следовало добраться до противоположной стороны причала, минуя груды ящиков, набитые чем-то мешки и длинные ряды брёвен. Отца не было видно, но дважды Вайолет слышала голоса, отчего сердце уходило в пятки. В какой-то момент беглецам пришлось втиснуться между мусорными баками, пока мимо в опасной близости проходил патруль Саймона.

Джастис ждал неподалёку – фигура в плаще, неотличимая от теней. Вайолет разглядела Хранителя, только когда Уилл чуть кивнул в его сторону. Должно быть, мужчина остался здесь, чтобы разобраться с охранниками Саймона, пока юноша искал её. Видимо, поэтому им встретилось так мало патрулей – Джастис избавился от них.

Когда мужчина приблизился к ним, Вайолет бросило в дрожь из-за воспоминаний о драке на судне. Хранитель откинул Тома так, словно тот ничего не весил, а потом пережил страшный удар по голове, хотя плавал в воде лицом вниз словно мёртвый.

Даже сейчас ладонь Джастиса лежала на рукояти меча – оружию настолько же старинном, как и всё облачение, и сама манера говорить.

«Если бы он знал, кто я...»

– Хорошо, – кивнул Джастис. – Теперь нам пора.

Он не спросил Вайолет, где она пропала; казалось, воин просто рад, что девушка в безопасности. Они пошли следом за Хранителем. Вайолет смотрела на его широкую спину, на прямые волосы цвета воронова крыла, так не похожие на её собственные, вьющиеся. Джастис буквально излучал силу и величие.

– Уже довольно темно, и мы сможем пройти незаметно. Главное – обогнуть патрули Саймона...

На берегу началась какая-то суета, и все трое резко обернулись.

– Там что-то происходит, – проговорил Уилл.

Звук подъезжавшего экипажа, голоса с реки... Вайолет чувствовала что-то в воздухе, хоть и не могла объяснить, что именно. Словно затишье перед бурей. И эту бурю можно было почти ощутить на вкус – опасную, тревожную.

Джастис изменился в лице, его серьёзные тёмные глаза казались полными тревоги.

– Джеймс здесь.

Глава 8

Уилл обернулся.

Джеймс... Это имя было ему незнакомо, но он уловил напряжение в голосе Джастиса. Столпившиеся на берегу люди Саймона, казалось, тоже чувствовали это напряжение. «Джеймс здесь».

Экипаж приближался, будто торжественная процессия, возвещая о своём прибытии цокотом копыт, скрипом колёс и звоном сбруи. В авангарде, точно некое искажённое отражение Хранителей, ехали трое всадников, каждый из которых носил часть брони поверх костюма для верховой езды. Они выглядели неестественно и, похоже, чувствовали себя так же. Немигающие глаза запали, а лица казались смертельно бледными.

Сам экипаж из чёрного лакированного дерева глянцеви́то блестел, запряжённый двумя вороными лошадьми с горделиво выгнутыми шеями, расширенными ноздрями и шорами на глазах. На дверях кареты красовались три чёрных пса – герб Саймона. Задёрнутые занавеси не позволяли заглянуть внутрь.

Въехав прямо в толпу, экипаж остановился там, где утрамбованная грязь переходила в галечный пляж. Два лакея быстро спрыгнули, открыли дверцу кареты, словно перед каким-нибудь высокопоставленным лордом, и Джеймс вышел на берег реки.

Казалось, сам воздух изменился, точно повеяло лёгким ветерком из старого сада.

«Это ты», – подумал Уилл, как будто давно знал прибывшего юношу.

Дворцы превратились в руины, поля, где сражались армии, заросли травой, мир со всеми его чудесами погиб – остались только осколки, отблески, от которых захватывало дух.

Джеймс был прекрасен. Само совершенство, словно статуя из чистейшего мрамора, вырезанная каким-то неизвестным скульптором. Никто в мире не обладал такой красотой.

Страх прокатился по толпе людей Саймона, как рябь на воде – странная реакция на молодое прекрасное лицо Джеймса. И сам его юный возраст вызывал изумление: он казался не старше шестнадцати-семнадцати лет, ровесником самого Уилла.

Он невольно шагнул вперёд, не обращая внимания на Джастиса за спиной, пока не оказался прямо у края мокрого контейнера.

– Это он. Трофей Саймона, – произнёс один из моряков.

– Ради всего святого, а если он услышит, что ты его так назвал? – отозвался другой.

Страх в толпе нарастал.

Джеймс прошёл вперёд. Все работы прекратились с его прибытием. Люди, столпившиеся вокруг экипажа, уступали дорогу прибывшему. Уилл узнал одного или двоих матросов с «Охотника» и с ужасом понял, что здесь собралось не просто сторонние зеваки, а люди Саймона. Под рукавами их рубах скрывались клейма.

Галька громко шуршала под сапогами Джеймса.

Берег возле экипажа освещали ряды факелов на столбах и переносные фонари, огни которых отбрасывали отблески на лица державших их людей. Река за спинами собравшихся казалась чёрной, только неровная дорожка лунного света прорезала тёмную гладь. Луна была почти полной, на три четверти, небо – чистым. Тишину нарушали лишь редкие далёкие звуки: приглушённый плеск воды, далёкий звон колокола.

Холодные синие глаза Джеймса изучали хаос на берегу. Сам юноша казался идеальным воплощением современной моды: стильно зачёсанные золотые волосы, подчёркивавший талию камзол, прекрасно подогнанные брюки из хорошей дорогой ткани и высокие начищенные сапоги.

– Мистер Сент-Клэр, – Максвелл, капитан потерпевшего крушение корабля, приветствовал прибывшего почтительно, почти нервно, хотя тот выглядел лет на тридцать младше. – Как видите, мы вытащили почти весь груз. Особо крупный можно спасти. И, конечно...

– Вы упустили мальчишку, – проговорил Джеймс.

В звенящей тишине его голос, казалось, разносился по всему причалу. Уилл почувствовал, как от этих слов сжалось сердце – он значил для них больше, чем корабль или груз.

– Кто у вас был главным?

Вопрос Джеймса не содержал ничего особенного, но мужчины молчали. Единственным ответом служил мягкий плеск воды, набегавшей на берег, как морские волны.

– Нет, Том, не надо тебе... – сказал кто-то, но брат Вайолет не слушал – протолкнулся вперёд через толпу, остановился напротив Джеймса и проговорил:

– Я.

Уилл не видел Тома с момента нападения, когда Вайолет вытащила потерявшего сознание брата из трюма. Похоже, сейчас юноша полностью пришёл в себя и даже успел переодеться, хотя его добротный коричневый жилет и не шёл ни в какое сравнение с изысканным камзоллом Джеймса, а рукава рубахи были закатаны, хотя заниматься физическим трудом сыновьям знатных людей не полагалось. На глазах у всех Том опустил на одно колено. Джеймс долго, изучающе смотрел на него сверху вниз и наконец проговорил:

– Плохой котик. – В его голосе не было ничего приятного.

– Я приму любое наказание, которое Саймон сочтёт подходящим, – произнёс Том, униженно покраснев.

– Ты позволил Хранителям подняться на корабль, – сказал Джеймс. – Позволил им убить твоих людей. А теперь то единственное, чего хотел Саймон, попало в руки врагов.

Другой голос раздался с берега. Уилл видел, как отец Тома выступил вперёд.

– Мальчишка исчез всего несколько часов назад. Он не мог уйти далеко. А что до нападения... если бы дело заключалось только в Хранителях, Том бы с лёгкостью отбил. Но пленник... вы видели, что он сделал с кораблём. Нас не предупредили. Мы понятия не имели, что мальчишка... что он мог...

– Самое достойное качество твоего сына, – прервал его Джеймс, – то, что он не пытается оправдываться.

Мужчина захлопнул рот.

Всё ещё стоя на одном колене, Том поднял взгляд. Его лицо выражало решимость.

– Я найду его, – пообещал он.

– Нет. Это я найду его, – ответил Джеймс.

* * *

Мужчины, собравшиеся на берегу, ошутимо волновались, переступали с ноги на ногу в мёртвой тишине. Трое бледных всадников бесшумно спрыгнули с лошадей – лишь чёрные фрагменты брони чуть шевельнулись. Люди Саймона бросали нервные взгляды на наездников. Уилл тоже испытывал странное давящее чувство в груди.

Джеймс стянул перчатки. Всадники встали вокруг него, будто охраняя. Их одежды украшали гербовые псы Саймона, но Уилла тревожили именно фрагменты брони из воронёной стали. Словно это части одного и того же доспеха, и выглядели они как-то... неправильно, равно как и неестественно белоснежные лица и запавшие глаза наездников.

Один из докеров протянул лоскут потёртой синей ткани Джеймсу. Тот сжал материал в кулаке и замер. Уилл вздрогнул, осознав, что это окровавленный обрывок его собственной куртки.

Воцарилась такая тишина, что стал слышен даже треск пламени факелов. Отец Тома рывком поднял сына и потянул назад, точно уводя от опасности. Толпа собравшихся тоже отпрянула от Джеймса – словно опалённая бумага, скручивающаяся от пламени.

Уилл чувствовал – *что-то* происходит. Он как будто слышал чей-то шёпот: «*Я найду тебя. Я всегда тебя найду*». Словно латная перчатка смыкалась вокруг беззащитной плоти. «*Попробуй сбежать*». Пламя факелов освещало выражавшие чистый ужас лица собравшихся мужчин.

– Уилл, – настойчиво позвал Джастис. Его голос вывел юношу из оцепенения. Сердце колотилось. Он с изумлением увидел в глазах Хранителя страх – отражение ужаса во взглядах докеров, словно все они знали, что сейчас произойдёт. – Нужно уходить. Сейчас же. До того, как...

Лёгкий бриз вздымал пыль и мусор, вихрем кружил их у ног Джеймса. Факел на ближайшем к юноше столбе заколебался и погас, точно кто-то задул свечу. Поднялся ветер... но нет, это не было ветром. Это было чем-то совсем иным.

«До того, как Джеймс соберёт свою Силу».

Уилл чувствовал это – словно резкий запах, разлитый в воздухе, – и зачарованно смотрел на Джеймса, почему-то желая остаться, увидеть. Желая понять, сумеет ли противостоять ему.

Но разве можно противостоять магии?

Уилл посмотрел за плечо Джастиса на лебёдку, приспособленную для вытаскивания груза из воды. Когда прибыл экипаж, докеры бросили работу, и контейнер всё ещё висел на цепи. С него капала вода.

Капала совсем недалеко от Джеймса.

Рядом высились штабеля спасённой с «Охотника» древесины: судовые балки, длинные толстые брусья внутренних перекрытий и два обломка грот-мачты. Всё это было перевязано канатами, чтобы не раскатилось.

Уилл положил ладонь на узел.

Если освободить брусья, они выбьют скобу из крана лебёдки, и контейнер упадёт на Джеймса или достаточно близко, чтобы отвлечь его.

Сердце Уилла колотилось. Он умел связывать и развязывать канаты и прекрасно знал, как ослабить узлы, чтобы брёвна соскользнули.

Прежде чем Джастис успел остановить его, юноша дёрнул за петлю.

– Что ты делаешь?! – Джастис схватил его за руку и оттащил от каната, но Уилл едва осознавал это.

«Давай, покажи мне, что ты можешь».

Первый брус качнулся и покатился, но не попал по лебёдке, а просто упал в реку. Зато второй выбил скобу. Цепь резко ослабла и с грохотом раскрутилась на всю длину.

Контейнер высоко наверху опасно накренился.

Как раз в тот момент, когда груз рухнул вниз, Джеймс вскинул голову и выбросил руку вперёд. Будто подчиняясь жесту, контейнер вдруг резко остановился и неестественно застыл в воздухе.

Это было демонстрацией такой невероятной силы, которую он не мог себе и представить. Даже после рассказов Джастиса о магии у Уилла перехватило дыхание при виде юноши, который удерживал груз весом в целую тонну в воздухе одной только силой воли. Он хотел попробовать, увидеть воочию, и теперь такой шанс ему представился.

«Вот так тебе», – с лёгким возбуждением подумал Уилл. Джеймс удерживал контейнер с явным усилием – грудь тяжело поднималась и опадала, а рука подрагивала.

Всё прекратилось – и ветер из ниоткуда, и ощущение надвигающейся опасности. Оборвалось как раз в тот миг, когда Джеймс сосредоточил внимание на контейнере.

Люди Саймона отступали, испуганно глядя на воплощение неестественной силы и зависший в воздухе груз, который в следующий миг отлетел и разбился на тысячу мелких безвредных кусков по мановению руки Джеймса.

Он поднял взгляд, дыша неровно, будто истощил силы. Светлые волосы растрепались. Но синие глаза горели яростью и полнились едва сдерживаемыми эмоциями. Этот смертоносный взор остановился на Уилле, прямо через доки.

– Они здесь, – произнёс Джеймс.

– Уходите! – приказал Джастис.

Они помчались к улице, перелезая через ящики и ограждения. Хранитель бежал быстро, Вайолет не отставала от него ни на шаг, уверенно лавируя между обломками. Уилл изо всех сил старался поспевать за спутниками.

Бросив последний взгляд на Джеймса, он увидел, что тот отдал несколько резких приказов всадникам с неестественно бледными лицами. Единым слитным движением они вскочили в сёдла. Воронье лошади повернулись в сторону Уилла и устремились к нему, громко стуча копытами.

Джастис втащил ребят в какой-то дверной проём, где можно было ненадолго спрятаться.

– Кто эти люди? – спросил Уилл, не сразу сумев отдышаться, и вспомнил неестественно бледные лица и немигающие глаза всадников. – Они одеты словно Хранители.

– Сие не Хранители, – мрачно ответил Джастис. – Это создания Саймона... Он нарёк их Оставшимися и оделил каждого фрагментом древнего доспеха, коий когда-то носил личный страж Тёмного Короля. Они сотни лет покоились подле разрушенной башни, что в Умбрийских горах, в деревеньке под названием Скеджино. Саймон выкопал их, – Хранитель старался говорить очень тихо. – Оставшиеся когда-то были людьми. Доспех изменяет их. Не позволяйте им дотронуться до вас.

Уилл вздрогнул, подумав о том древнем страже, гнившем под землёй, пока от него не осталось лишь несколько фрагментов брони. Не хотелось думать ни о том, что теперь эти доспехи носит кто-то другой, ни о том, что Оставшиеся теперь охотятся за ним.

Стук копыт стал громче. Луна спряталась за облаком, и под укрытием темноты беглецы быстро пересекли открытую улицу и оказались в маленьком узком переулке. Но опередить всадников просто невозможно. Уилл огляделся в поисках узкого прохода, куда не смогла бы пройти лошадь, – двери или какого-то проёма, который не окажется тупиком, ловушкой...

– Сюда! – крикнул Джастис и рукоятью меча сбил замок на калитке в небольшой двор.

Внутри стояла старая телега с запряжённой в неё лошадью, пусть и не в полной сбруе. Хозяин, похоже, уже ушёл спать. Джастис подошёл к коню ближе и спросил Уилла:

– Вы умеете ездить верхом?

Оба беглеца ввалились во двор и посмотрели на единственного здешнего обитателя – костлявую лошадь, опустившую голову и неловко расставившую ноги.

– На старом тяжеловозе? – недоверчиво переспросила Вайолет.

Джастис положил ладонь на плечо коню – плохо ухоженному мерину с тёмной плешивой шкурой и грязной взъерошенной гривой.

– Сей одр – тяжеловоз, однако же его порода ведёт свою родословную ещё из Средних веков. Его предки были боевыми скакунами. У него сильное сердце. Он побежит.

И действительно, что-то в голосе Джастиса, казалось, взволновало лошадь. Когда мужчина коснулся мерина, тот поднял голову.

Уилл посмотрел на спутников. Хранитель предлагал коня именно юноше, потому что считал его по какой-то причине очень важным и предоставлял шанс скрыться. У Вайолет и Джастиса тоже будет больше возможностей уйти, если самый слабый из беглецов поедет верхом, отвлекая внимание Оставшихся.

Чёрные всадники погонятся за Уиллом, как и все люди Саймона, и позабудут о Вайолет и Джастисе. Юноша взвесил шансы – старый мерин-тяжеловоз против трёх великолепных скакунов, которых он видел на берегу...

– Да, умею, – ответил Уилл.

Джастис распряг коня и поднял взгляд, удерживая ладонь на сбруе мерина.

– Мы разделимся и встретимся уже в Чертоге. Все втроём.

Уилл кивнул, Хранитель подвёл к нему тяжеловоза, удерживая под уздцы, и сказал:

– Наперво следует пересечь приток Темзы – Ли – в трёх-четырёх милях отсюда. По меньшей мере половина того пути пролегает по сельской местности. Дальше воспоследует Аббатская Топь, лошадям там пройти трудно. Аббатство снесли сотню лет назад, однако же врата всё ещё стоят. Доберись до них.

«Врата», – повторил Уилл про себя.

Джастис перерезал мечом вожжи, затем связал их, укорачивая достаточно, чтобы получились импровизированные поводья. Вайолет коснулась руки юноши и увлекла его в сторону.

– Я знаю, почему ты согласился поехать один. Чтобы Оставшиеся не погнались за нами, – сказала она.

Уилл бросил быстрый взгляд на Джастиса, чтобы убедиться, что тот ничего не слышал.

– Они погонятся за мной, что бы я ни делал.

– Я знаю, просто... – Вайолет осеклась.

Уилл невольно задавался вопросом, что её тревожило. Не исключено, что возможность остаться наедине с Джастисом. И уже открыл было рот, чтобы успокоить девушку, но она дружески стукнула его кулаком по плечу.

– Удачи тебе, – просто сказала она, но карие глаза на мальчишеском лице оставались серьёзными.

Не привыкший к простым проявлениям дружбы Уилл молча кивнул.

Седло отсутствовало, как и стремена, поэтому Вайолет сцепила ладони в «замок» и подсадила юношу. Он схватился за гриву, подтянулся и забрался на широкую тёплую спину коня.

Джастис похлопывал мерина по загривку, тихо говоря на каком-то странном наречии. Уиллу показалось, что он уловил смысл слов: «Мчись, как мчались твои предки. Не бойся тьмы. В тебе, как и в них, заключено величие».

Конь вскинул голову, словно что-то внутри его отзывалось на напутствие. Несмотря на спутанную чёрную гриву, в его глазах отражалась смелость. Подняв взгляд на ерзавшего наездника, Джастис проговорил:

– Скачите быстро. Не оборачивайтесь. Доверьтесь скакуну.

Уилл кивнул.

Лошадь, не то возбуждённую притоком энергии, не то встревоженную сгущающимися тенями, было трудно удержать. В юности Уилл ездил с матерью верхом, но никогда – без седла с одними лишь импровизированными поводьями. Он резко вздохнул и направил коня на середину дороги.

– Эй! – крикнул он. – Эй, я здесь!

Три всадника завернули за угол, и Уилл похолодел. Оставшиеся походили на авангард кошмара. Казалось, тёмная земля под ними шевелилась – псы скользили между копытами коней, точно огромный клубок змей. Вблизи Уилл разглядел, что каждый Оставшийся носил один из фрагментов брони поверх одежды, и это придавало их силуэтам некую асимметричность. На одном всаднике красовалась латная перчатка, на другом – наплечник, на третьем – обломок чёрного шлема, закрывавший левую половину мертвенно-бледного лица. Уилл словно заглянул в разверстый зев гробницы.

«Это просто люди. Просто люди Саймона», – убеждал себя юноша, а потом увидел, как один из Оставшихся остановился перед увитой плющом стеной и вскользь коснулся листьев

наплечником. Мертвенность его взгляда, казалось, распространилась и на лозу: прямо на глазах растения иссохли, потемнели – чернота расползлась словно гниль.

«Не позволяйте им дотронуться до вас...»

Чувствуя холодное дыхание опасности, конь Уилла с громким ржанием взвился на дыбы, сорвался с места и пустился галопом по брусчатке. Юноша вцепился в поводья, его сердце бешено колотилось.

«Скачите быстро. Не оборачивайтесь».

У Уилла не было особой форы, но он знал короткий путь и поначалу сумел выиграть немного времени, держась в стороне от прямых дорог, где его более медлительная лошадь оказалась бы в заведомо невыгодном положении. Вместо этого он свернул на извилистые улочки, по которым раньше часто ходил пешком. Преследователи теряли драгоценные секунды, пока останавливались и разворачивали коней, а стаи псов мешались под ногами в узких проходах. Это давало надежду, что беглец сможет сохранить преимущество.

Но окраины портового района быстро закончились, уступив место открытой сельской местности. Вдалеке Уилл различал очертания редких невысоких домов. К северу проступал силуэт ветряной мельницы, который отсюда казался просто сочетанием странных тёмных форм. К югу располагался Бромли-Хилл, невысокий холм, поросший чёрными деревьями. На его вершине стоял одинокий фермерский дом.

На милю впереди простирались общинные земли, и до самой реки было негде спрятаться.

Уилл оказался на открытой местности, а за ним с яростным голодным лаем уже мчались собаки. Этих охотничьих псов выводили для того, чтобы разрывать плоть и убивать крупную добычу. Их челюсти клацали совсем рядом с незащищёнными ногами тяжеловоза. И хотя трава приглушала звуки, юноша слышал громовую поступь коней Оставшихся, от которой содрогалась земля. Они догоняли.

Догоняли. Мерин Уилла не был чистокровным скакуном, выведенным для гонки по равнине, но его могучее сердце отдавало все свои силы тяжёлому телу.

– Скачи! – воскликнул испуганный наездник. – Скачи!

Ветер унёс его слова, но юноша почувствовал, как конь под ним словно в ответ собрался и ускорил ход.

«Мчись, как мчались твои предки. Не бойся тьмы...»

«Доверьтесь коню...»

Они скакали по равнине, обгоняя преследователей всего на пару корпусов. Уилл даже не услышал шум воды, пока река вдруг не возникла перед ним – быстрый чёрный поток, широкий, как большая улица. И неизвестно, насколько крут поросший травой берег.

Джастис велел пересечь Ли.

Тяжеловоз прыгнул в ледяную воду грудью вперёд и поплыл вперёд, вытянув шею. Круп коня опускался ниже, чем плечи. Уилл вцепился в гриву, прижавшись к скользкой шее и спине лошади.

Он бросил взгляд через плечо и увидел брызги – Оставшийся с наплечником галопом въехал в реку. Перед тёмным всадником, словно поток крыс, плыли собаки, перелезая друг через друга в стремлении добраться до добычи.

– Вверх! – крикнул юноша. – Вверх!

Мерин выскочил на противоположный берег, оттолкнувшись задними ногами для последнего прыжка по склону.

Уилл думал, что увидит цель своего пути – врата – и считал, что уже почти добрался, но от раскинувшегося впереди зрелища что-то внутри оборвалось.

Никакого аббатства. Насколько хватало глаз тянулись болота – длинные полосы чёрной воды и покрытые травой редкие островки. Бескрайняя топь, жидкая грязь, где лошадь могла с лёгкостью поскользнуться или застрять.

Уиллу ничего не оставалось, кроме как направить коня вперёд, в болота, стараясь держаться сухих островков и избегая блестящей воды между лоскутами высокой травы. Легконогие псы же мчались по топи, не застревая, и постепенно догоняли уставшего тяжеловоза, который с трудом пробирался вперёд по вязкой земле.

«Врата, – думал Уилл. – Добраться до врат...» Но впереди не наблюдалось ничего похожего – только безлюдная топь. А трое Оставшихся грозили вот-вот настигнуть беглеца.

Насколько близко они уже подобрались? Успеет ли Уилл найти тропу и добраться до убежища? Он повернул голову, рискнув бросить ещё один взгляд назад.

Блестящая чёрная латная перчатка тянулась к юноше, готовая вот-вот схватить.

Уилл резко отклонился в сторону. Мерин отчаянно заржал и повернул. Рука Оставшегося сомкнулась в воздухе. Другой всадник едва не настиг беглеца прежде, чем тот успел выпрямиться. А справа уже чувствовалось горячее дыхание третьего скакуна.

В последний раз Уилл мысленно обратился к своему коню, который отдавал последние силы. Дыхание перехватывало. Юноше отчаянно хотелось успеть, сбежать. Внезапно стук копыт доносился уже не только сзади, но и откуда-то спереди, сквозь дымку.

Из тумана, который клубился над болотом бледными клочьями, выехали всадники, походившие на неудержимую вспышку света – двенадцать Хранителей верхом на светлых лошадях галопом мчались навстречу Уиллу. Символы белой звезды, копыта наперевес, серебристые доспехи, сверкавшие в лунном свете... Казалось, они и правда сияли во тьме. Юноша ахнул, когда Хранители пронеслись мимо, устремляясь к Оставшимся в их чёрной броне.

– *Прочь, тьма!* – воскликнула женщина, возглавлявшая отряд, и подняла жезл. Навершие украшал камень, излучавший свет, точно огромный щит. – *У Тёмного Короля нет здесь власти!*

Уилл развернул коня вовремя, чтобы увидеть, как от Оставшихся хлынула мгла, но натолкнулась на преграду света Хранителей и разбилась, будто волны о несокрушимый камень. Лошади прислужников Саймона испуганно вставали на дыбы и отступали, а щупальца тьмы вытягивались, исчезали.

– *Я сказала – прочь!* – повторила Хранительница.

Оставшиеся хлестали своих лошадей, понукая идти дальше, однако не сумели преодолеть заслон света и были вынуждены натянуть поводья, направив коней обратно к реке. Псы жалобно скулили, поджимая хвосты, пока наконец не последовали за всадниками – бесшумные тени, скользящие вдоль воды.

Хранители развернули коней и окружили Уилла. Двенадцать сияющих белых скакунов стояли перед измученным мерином, дрожащим, покрытым пбгом.

– Ты вторгся в земли Хранителей, – властно сказала предводительница отряда. Её тёмную кожу пересекал рваный шрам, тянувшийся по левой щеке к челюсти. Женщина казалась немногим старше соратников, но на плече носила знак отличия – эмблему, похожую на шеврон командира. – И теперь обязан поведать, почему эти тёмные создания так заинтересовались тобой, пока мы сопроводим тебя прочь из наших владений.

– Меня послал Хранитель, – ответил Уилл, подумав о троих Оставшихся, которые сейчас направлялись обратно в Лондон. А ведь его спутники там одни, уязвимые! – Он всё ещё в опасности. Вы должны помочь ему. Джастису.

– Что тебе известно о нём? – спросил молодой Хранитель в светлых доспехах, подавшись вперёд. Его взгляд источал высокомерие. – Вы забрали его? Забрали, как и Маркуса?

Молодой Хранитель спешил и принялся стаскивать Уилла с коня. Вымокший юноша соскользнул со спины тяжеловоза, упав на землю.

– Киприан! – одёрнула подчинённого командир отряда, но тот проигнорировал её, схватив Уилла и грубо засучив ему рукава.

Измученный юноша едва понимал, что делает молодой Хранитель, пока тот не издал разочарованный возглас, увидев нетронутую кожу на тонких запястьях под рубахой.

– У меня нет клейма Саймона! – возмутился Уилл.

Киприан, похоже, не поверил и принялся ощупывать запястья юноши, а потом вдруг рванул на нём рубаху. Ткань с треском разошлась, открывая взглядам медальон. Едва не потеряв подвеску, Уилл невольно вскрикнул и дёрнулся вперёд, сжимая металлический цветок одной рукой, а другой упираясь в грязь.

Подняв взгляд, юноша увидел безупречные серебристые доспехи Киприана и выхваченный меч.

Предводительница отряда изменилась в лице.

– Где ты это взял?

Её взгляд был прикован к медальону на кожаном шнурке.

Джастис предупреждал Уилла, чтобы он никому не показывал дар матери. А теперь все столпившиеся вокруг Хранителя увидели его. Юноша колебался, не зная, что делать.

– Он принадлежал моей матери, – ответил Уилл, вспоминая до боли знакомое лицо Мэтью, который протягивал медальон под дождём. *«Яркая звезда по-прежнему сияет, даже когда тьма восходит...»* Юноша поднялся на колени в грязи. – Его передал наш прежний слуга. – В сознании возникли мёртвые глаза Мэтью, слепо вглядывавшиеся в дождь... – И велел мне прийти сюда и показать вам, сообщив, что медальон принадлежал моей матери.

Уилл встретился взглядом с командиром Хранителей. Её лицо выражало глубочайшее изумление, граничащее со страхом.

– Мы должны отвести его к Старейшине.

Она почти повторила слова Джастиса, но сейчас это звучало как приказ.

Остальные Хранители выглядели не менее ошеломлёнными и обеспокоенно переглядывались. Киприан решил высказаться за всех.

– Вы же не собираетесь провести чужака за стены? – спросил он. – Командир, никто из тех, в чьих жилах отсутствует кровь Хранителей, никогда не ступал в Чертог.

– Значит, он будет первым, – ответила предводительница.

– А что, если это уловка? Прекрасный способ проникнуть внутрь – прикинуться жертвой, сбегающей от погони. Самый священный из наших обетов – защищать...

– Хватит, – прервала командир. – Я приняла решение. С этого момента судьбу мальчика будете решать не вы, а Старейшина Хранителей. – Эти слова заставили Киприана замолчать. – Свяжите его, – велела командир, разворачивая коня. – И отведите в Чертог.

Глава 9

Уилл ещё раз попытался достучаться до командира Хранителей.

– Джастис всё ещё там! – Он вспомнил Оставшихся, преследовавших его на полном скаку, латную перчатку, тянущуюся к нему... – И с ним девушка... Они оба в опасности!.. Эти... существа, которые гнались за нами... – Чёрная гниль, расплзавшаяся по листьям плюща... – Я видел, как лоза мгновенно засохла, стоило им только прикоснуться к ней...

– Джастис знает свой долг, – отрезала командир и повернулась к Киприану, который как раз выступил вперёд. – Свяжи ему руки, послушник, – велела она.

Уилл сделал над собой усилие, чтобы не отпрянуть от молодого Хранителя, когда тот принялся выполнять приказ. На тяжеловозе отсутствовало седло, за которое можно было бы привязать пленника, поэтому Киприан обвил его лодыжки верёвкой и пропустил её под брюхом мерина. Если Уилл соскользнёт, конь потащит его по земле... Юноша неловко вцепился в гриву, хотя пути затрудняли движения. Поводья вороного закрепили к седлу одной из белых лошадей Хранителей. Вся процессия двинулась. Хранители ехали парами – шестеро впереди пленника и шестеро позади.

Когда Уилла связывали, его сердце колотилось где-то в горле, а на лбу выступила испарина. Если на них нападут, сбежать не удастся, а если окружат, то не получится даже оказать сопротивление. Юноша крепко держался за гриву коня, чувствуя, как внутри всё буквально кричало об опасности. Впереди простирался призрачный нездешний пейзаж укутанных туманом топей, а фигуры Хранителей, казалось, мерцали в темноте.

Командир с мрачным лицом ехала первой. Остальные звали её *Ледой*. Её манера держаться напомнила Уиллу о Джастисе, и другие Хранители старались соответствовать предводительнице. Но её глаза, устремлённые на болота, были абсолютно бесстрастными, в отличие от теплого взгляда мужчины.

Киприан же казался слишком уж идеальным. Он держал спину прямо, а его облачение, похоже, отторгало болотную грязь. Послушник и ещё одна Хранительница выглядели моложе остальных – одного возраста с Уиллом – и их одежды отличались от остальных серебристо-серым оттенком, а доспехи выглядели проще. Вероятно, эти двое ещё не прошли посвящение, а только обучались.

Процессия ехала сквозь ночь, и напряжение Уилла всё нарастало. Мэтью велел ему прийти сюда, но вдруг старый мамин слуга ошибался? Что он на самом деле знал об этих рыцарях на белых конях, которые называли себя Хранителями? Юноше хотелось верить, что он едет навстречу ответам, но ощущал себя так, будто оказался в чужой неизвестной стране, оставив позади всё, что было знакомо.

Кавалькада растянулась в длинную колонну, и Уилл слышал все ночные звуки болот: ритмичное кваканье лягушек, тихие далёкие всплески каких-то мелких существ, шелест травы над бочагами с водой. Порывы ветра напоминали шум океанских волн. Изредка командир, ехавшая во главе колонны, выкрикивала: «Всё чисто!» и «Возобновить путь!».

А потом Уилл с изумлением увидел впереди в тусклом лунном свете...

– Не нарушать строй! – приказала Леда. – И держитесь ближе друг к другу, – на миг она остановилась, когда поднялась на поросший травой склон. – Мы переправим его на ту сторону.

И направила коня вперёд.

Джастис говорил о вратах.

Посреди болот одиноко возвышалась ведущая в пустоту полуразрушенная арка. Залитая лунным светом, она резко выделялась на фоне тёмного неба. Несколько осыпавшихся камней могли быть частью древней стены, давно уже ушедшей под воду.

Уилл почувствовал, как кожу чуть покалывает, когда колонна облачённых в белое Хранителей приблизилась к арке сквозь темноту. И это ощущение казалось странно знакомым, словно он уже бывал здесь раньше... Но разве такое возможно?

– Что это за место? – спросил Уилл.

– Чертог Хранителей, – ответила командир.

Но юноша не видел никакого Чертога – только одинокую арку посреди обширной безлюдной топи.

Мысль о том, что они едут в легендарную обитель Хранителей, которой не существовало, ибо уже давным-давно она превратилась в руины, оставив после себя одну только арку, вызвала в Уилле дрожь.

Но что-то ведь находилось здесь когда-то...

Он не успел подготовиться, как командир направила коня вперёд и первой прошла через арку, так как ехала во главе колонны, но к глубокому изумлению Уилла, не появилась с другой стороны, а просто исчезла.

– Что происходит?

Сердце Уилла колотилось – он не мог поверить в то, что только что увидел. Пара Хранителей уже скрылась за воротами, и колонна всё продвигалась вперёд. Юношу охватило головокружительное чувство, что за этой аркой таилось что-то невероятно важное, что-то вне его досягаемости. Ещё одна пара сопровождающих исчезла, но Уилл не сомневался, что слышит эхо от стука копыт по камню, как в тоннеле или огромном зале. Но разве такое возможно? Вокруг были только трава, грязь и распахнувшееся над головой небо.

«Подождите!» – хотел крикнуть Уилл, но в следующее мгновение уже сам проехал под аркой.

Он почувствовал толчок, а потом краткий укол паники – по другую сторону оказались не болота, а древние руины, гигантские куски каменной кладки. Огромные обломки, усыпавшие землю вокруг, нависали над Уиллом, вгоняя в трепет.

А потом он посмотрел вверх, и дыхание перехватило от увиденного.

Впереди возвышалась древняя цитадель, сиявшая тысячей огней. Здание выглядело монументальным и очень старым, как и обломки камней вокруг. Внушительные зубчатые стены окружали строение, а над огромными воротами вздымалась вторая арка. Позади неё в небо взмывали великолепные башни. Часть цитадели лежала в руинах, но это лишь усиливало её странную пронзительную красоту. Уилл точно получил шанс взглянуть на настоящее чудо, которое будет утеряно навсегда, когда не станет этого места.

С новой силой накатило чувство, что пейзаж вокруг хорошо известен, хотя юноша никогда не бывал здесь раньше.

«Чертог Хранителей...» Эти слова звенели в нём, словно колокол, вызывая невольный трепет.

– Ни один чужак никогда не проходил через эти ворота, – голос одного из Хранителей за спиной вывел пленника из оцепенения. – Надеюсь, командир знает, что делает, приводя тебя сюда.

Уилл обернулся, заметил остальных сопровождавших, ехавших колонной, и заморгал. За их плечами по другую сторону арки всё ещё виднелось покрытое травой болото, которое резко контрастировало с невероятным зрелищем впереди.

«Так вот что имел в виду Джастис! Старый мир был уничтожен, остались лишь осколки...»

Высоко над цитаделью горело огромное пламя, как сияющий маяк, бросавший вызов ночи. Огонь полыхал над стенами, освещая ворота и подчёркивая окружавшее великолепие. Всё за воротами казалось юным, живым, как новорождённое золото, в отличие от древних бастионов.

«Яркая звезда по-прежнему сияет», – с трепетом повторил про себя Уилл.
– Открывайте ворота! – прозвучал приказ.

Сверху на стене по обе стороны от ворот дежурили двое Хранителей. Они принялись тянуть цепь – притом не с помощью рукоятей или рычагов, а просто благодаря невероятной физической силе. Огромная герса⁸ начала подниматься.

Проезжая через ворота, Уилл почувствовал себя маленьким и незначительным по сравнению с этим удивительным величественным местом. Впереди простирался широкий внутренний двор с древней каменной кладкой. Четыре колонны невероятных размеров с разбитыми вершинами тянулись к небу. Большая лестница, ведущая к первому зданию, уцелела – каменные ступени поднимались от двора к высоким дверям. Должно быть, это место было по-настоящему великолепным в эпоху расцвета, потому что даже сейчас оно сохраняло свою красоту подобно тому, как каркас разрушенного храма остаётся прекрасным, демонстрируя изящество каменных форм.

В следующий миг Уилл ощутил на себе изумлённые взгляды – Хранители, дежурившие на стенах, разглядывали его. И целые группы во дворе замедлили шаг, пристально глядя на юношу. Облачённые в старинные белые наряды, здешние обитатели смотрелись в этом древнем месте так же естественно, как монахи в монастыре. А вот Уилл в своей грязной одежде чувствовал себя чужаком, незваным гостем, обыкновенным мальчишкой верхом на вороном тяжеловозе.

Командир элегантно спешила, не обращая внимания на собравшихся, и велела:
– Снять его.

Киприан вытащил поясной нож и перерезал верёвку, связывавшую лодыжки Уилла, чтобы его можно было стащить с лошади.

На этот раз юноша сумел устоять на ногах, когда оказался на земле, хотя со связанными руками удержать равновесие оказалось сложнее, и он чуть пошатнулся.

– Уведите лошадей, – сказала Леда остальным, и они с почтением спешили и потянули скакунов под уздцы в сторону конюшен.

Тяжеловоз Уилла громко заржал, вращая глазами, и встал на дыбы, когда послушница попыталась перехватить поводья. Мерин отказывался покидать хозяина.

– Тише, тише, мальчик, – проговорил юноша. Сердце невольно сжалось, ведь этот конь так храбро нёс его через болота, а теперь боролся за то, чтобы остаться рядом. – Тебе нужно пойти с ней.

Уилл чувствовал тёплое дыхание тяжеловоза, прикосновение его бархатного носа – мерин явно колебался. Юноша хотел обнять его за шею, прижаться к тёплой шкуре, но не мог сделать этого со связанными запястьями.

– Иди, – мягко велел он.

Проследив, как послушница уводила коня, Уилл ощутил себя совершенно одиноким.

Бледная в лунном свете цитадель возвышалась перед ним, красуясь гигантскими арками и огромными белыми камнями. На близком расстоянии стало заметно, что каждое из здешних зданий, возведённых позже, – лишь подобие прежнего великолепия, попытка воссоздать что-то наполовину забытое с помощью инструментов и техник, слишком грубых, неспособных передать всю былую красоту.

«Когда-то эту крепость заполняли люди, – подумал юноша. – А цитадель сияла». Он вздрогнул, не зная, откуда пришла эта мысль.

К нему приближалась пара Хранителей. В своих белых одеяниях они походили на монахов, направлявшихся к настоятелю на беседу, хотя предводительница отряда Леда в серебряных доспехах больше напоминала древнее изображение рыцаря из небесного воинства.

⁸ Герса – опускная решётка крепостных ворот.

– Командир, нас не уведомили, что призван новый Хранитель... – проговорил мужчина лет двадцати пяти, с рыжими волосами, уложенными в традиционную для их ордена причёску.

– Этот мальчик – не новый послушник, – резко ответила Леда. – В его жилах не течёт кровь Хранителей. Мы нашли его на болотах. За ним гнались люди Саймона.

– Чужак? – Лицо рыжеволосого мужчины побледнело – он явно пребывал в изумлении. – Вы провели чужака через врата?

– Созывай всех в Большой Зал, – ответила командир, словно не слышала слов собеседника. – Прямо сейчас, Брешиа. Не мешкай.

Рыжеволосому Хранителю ничего не оставалось, кроме как подчиниться, но в его глазах отразились страх и недоверие. И окружающие уже не могли скрыть, как сильно изумлены.

– Чужак? – переговаривались вокруг. – Чужак в Чертоге?

Кожу покалывало от чрезмерного внимания окружающих. Уилл хотел получить ответы, но не имел ни малейшего представления о размахе того, с чем мог столкнуться. И не задумывался раньше, насколько серьёзно решение Джастиса отправить его сюда.

– Ты предстанешь перед Старейшиной Хранителей, – сказала Уиллу командир. – Именно она решит твою судьбу. Я пойду вперёд и предупрежу о твоём прибытии. – Леда обратилась к послушнику: – Киприан, держи нашего пленника в северном зале, пока я не подам сигнал, что нужно привести его.

Во взгляде молодого Хранителя мелькнул вызов.

– Моему отцу это не понравится. Вы знаете наши правила. Только те, в чьих жилах течёт кровь Хранителей, допускаются внутрь этих стен.

– Я сама поговорю с Верховным Адептом, – ответила командир.

– Есть, командир, – почтительно отозвался Киприан, явно не слишком довольный её ответом, после чего крепко, словно жгутом, сжал руку Уилла и подтолкнул его к широким ступеням, ведущим к главному входу.

К удивлению пленника, высокомерный конвоир не обладал сверхъестественной силой, как другие Хранители. Да, он явно силён, но не более, чем обычный человек. Уилл вспомнил, что командир назвала Киприана послушником. Видимо, Хранители получали свои способности не от рождения, а приобретали их позже.

Шестеро сопровождающих ожидали их внутри. Они шагали по двое, синхронно, чётко и грациозно. Уилл чувствовал себя воробьём среди белых лебедей. Со связанными руками, всё ещё ослабленный пребыванием в трюме и двумя днями без еды, он не понимал, какую может представлять угрозу, но Хранители шли с копьями наготове, словно считали пленника опасным. Под суровыми взглядами стражей этого места Уилл внезапно ощутил, что оказался в мире, который намного больше его самого. В мире, полном правил и традиций, которых он не понимал.

Юношу привели в помещение с высоким сводчатым потолком. Хранители заняли места парами у каждого из двух входов, а оставшиеся встали рядом с ним и Киприаном.

– Там – Большой Зал, – пояснил послушник. – Ждём здесь, пока Леда не подаст сигнал.

Время тянулось мучительно, и тревога Уилла росла – не только перед тем, что ожидало его впереди. Он боялся за спутников, которые остались где-то снаружи. За которыми гнались эти люди в странных доспехах и десятки тёмных псов. Вероятно, сейчас Оставшиеся уже вернулись в Лондон, а Джастис и Вайолет могут быть где угодно.

– А как же мои друзья?

Похоже, вопрос Уилл задал зря. Киприан посмотрел на него со всем высокомерием молодого рыцаря. Послушник обладал оливковой кожей, тёмными волосами, высокими скулами и каре-зелёными глазами. Такая внешность могла говорить о средиземноморском происхождении, но родиться он мог где угодно: от Египта до Южной Италии. Красота Киприана сочеталась с благородной статью Хранителя – идеально прямая спина, белоснежное облачение.

Взгляд ореховых глаз стал ледяным.

– Из-за твоего *друга* Джастиса пропал мой брат.

– Твой брат? – переспросил Уилл.

– Маркус, – ответил Киприан.

Маркус?

Глаза Уилла расширились – он узнал это имя. Но прежде, чем удалось что-либо уточнить, из дальнего конца вестибюля прозвучал сигнал, призывавший их в Большой Зал.

* * *

Огромные двустворчатые двери вели в зал с колоннами, который казался бесконечным. Пара стражей-Хранителей из почётного караула, облачённых в белое с серебром и отполированные до зеркального блеска доспехи, охраняла вход.

Один из конвоиров чуть подталкивал Уилла копьём в спину. Войдя в зал, юноша поднял взгляд. Дыхание захватывало от масштабов помещения, и на ум приходили разве что изображения на картинах или гравюрах в книгах. Как и пирамиды Гизы, это древнее место было настолько монументальным, что его величие пережило даже саму цивилизацию, создавшую его.

Уилл чувствовал себя маленьким и ничтожным. Шаги разносились гулким эхом, а величие зала подавляло. Даже стражи из почётного караула в парадных доспехах казались незначительными, занимая лишь небольшую часть общего пространства. От восхищения юноша невольно замедлил шаг, пока они приближались к центру зала.

На помосте в конце зала возвышались четыре массивных трона из чистейшего белого мрамора. Прекрасные и древние, они, казалось, отражали свет и, очевидно, создавались для кого-то куда более великого, чем любой человеческий король или королева. Для тех, кто возглавлял легендарные армии и повелевал забытыми ныне дворами. Уилл ясно представлял себе гордые фигуры древних вельмож, скользивших по этому залу перед взором правителей.

Но сейчас троны пустовали.

Под ними на низком деревянном стуле сидела пожилая женщина в простой белой тунике. Она была самой старшей в Большом Зале – со сморщенной, как персиковая косточка, оливковой кожей, длинными седыми волосами, собранными в ту же причёску, что и у прочих Хранителей, и глазами, подёрнутыми пеленой прожитых лет. Рядом стоял мужчина, которого командир Леда назвала Верховным Адептом. В отличие от остальных, на нём красовалось не белое, а синее облачение, а на шее виднелась тяжёлая серебряная печать. Его окружали два десятка Хранителей в серебряных доспехах с символами звезды и короткими плащами поверх белых сюрко⁹.

Перед ними на одном колене стоял мужчина, весь в грязи.

Сердце Уилла радостно забило. Это был Джастис! Хранитель в перепачканных одеждах склонил голову, положив руку на согнутое колено в церемонном жесте. И Вайолет тоже здесь! Она стояла рядом со связанными спереди руками в окружении двух конвоиров. Грязь покрывала её от ступней до пояса – скорее всего, большую часть пути по болотам оба проделали пешком.

При виде живых и невредимых спутников Уилла охватило такое облегчение, что он почти забыл о происходящем вокруг, но лёгкий укол копья в спину быстро напомнил.

– Вот юноша, которого ты направил к нам, – сказал Верховный Адепт, обращаясь к Джастису. – Нарушив все правила и эгоистично подвергнув опасности Чертог.

⁹ Сюрко – просторная накидка, часто с гербом, предназначенная для ношения поверх доспехов.

– Пред вами – не просто юноша, – ответил мужчина. – Саймон разыскивает его, и на то есть причина.

– Это лишь твоё утверждение, – возразил Верховный Адепт.

Уилл почувствовал, как что-то внутри сжалось. Казалось, он оказался на суде, но не знал, за какие преступления. Внимание каждого Хранителя было приковано к пленнику. Четыре пустующих трона смотрели на него сверху вниз, как пустые глазницы.

– Нет, я видел воочию, как он вложил Осквернённый Клинок в ножны, – возразил Джастис. – Призвал Меч и погасил чёрное пламя.

– Невозможно, – отрезал Верховный Адепт, пока остальные Хранители тихо переговаривались Между собой, обсуждая услышанное. – Никто и ничто не может выжить, когда Клинок находится не в ножнах.

Уилл вздрогнул – в этих словах заключалась страшная правда. Всего лишь края чёрного меча оказалось достаточно, чтобы уничтожить целый корабль Саймона. Юноша отчётливо помнил своё инстинктивное желание как можно скорее спрятать Клинок, откуда-то совершенно точно зная, что если тот освободится, то уничтожит всех на борту.

– Саймон приковал мальчика в трюме, усилив охрану, – продолжал Джастис. – И когда он взял Клинок, я понял почему. Но невзирая на обстоятельства, я не знал наверняка, пока не увидел, что Уилл носит на шее.

– На шее? – переспросил Верховный Адепт.

Джастис поднял взгляд.

– Уилл, покажи им.

С трудом юноша развязал ворот рубахи и вытащил медальон – последнее, что успел передать Мэтью, бывший слуга матери. А затем протянул на ладони – тусклый покорёженный кусок металла, когда-то отлитый в форме цветка с пятью лепестками, чья важность пока оставалась неясной.

Казалось, не все в Зале узнали медальон, но лицо Верховного Адепта побледнело.

– Серебряный боярышник, – проговорил он. – Амулет Госпожи.

После этих слов из зала раздались потрясённые возгласы Хранителей.

– Маркус всегда считал, что мальчик выжил, – сказал Джастис.

– Кто угодно мог надеть медальон, – возразил Верховный Адепт.

Прежде чем кто-либо успел вставить хоть слово, Леда быстро преклонила колена перед возвышением, склонив голову и прижав к сердцу сжатую в кулак правую руку, повторив позу Джастиса, точно добавляя свой голос к его.

– Верховный Адепт, похоже, Саймон желал получить мальчика во что бы то ни стало, так как послал за ним Оставшихся с двумя дюжинами гончих, и они преследовали его по болотам, загнав на территорию Хранителей. – Леда глубоко вздохнула. – Возможно, это тот самый мальчик, которого мы искали.

Кто-то из собравшихся ахнул.

Губы Верховного Адепта сжались в тонкую линию.

– Больше всего Саймон желает проникнуть в наш Чертог. Разве не таков путь Тьмы? Они прокрадываются, вползают, приняв облик друга. Например, юноши с медальоном.

Джастис покачал головой:

– Вот уже несколько месяцев ходят слухи, что Саймон возобновил поиски, полагая, что мальчик жив...

– Слухи, которые насадил сам последователь Чёрного короля. Этот мальчик, которого ты вытащил из доков, – шпион или того хуже. И выпустили его за наши стены...

– Развяжите его, – повелела конвоирам женщина, сидевшая на стуле, а после того, как те выполнили приказ, мягко обратилась к Уиллу: – Подойди, мой мальчик.

Он нерешительно шагнул вперёд, чувствуя, как затихли все собравшиеся. Длинные седые волосы обрамляли лицо женщины, а взгляд был прикован к юноше. Она указала на маленький трёхногий табурет.

Сев рядом с пожилой Хранительницей, Уилл ощутил её энергию – тепло, спокойную силу, мудрость.

– Как тебя зовут? – Голос женщины звучал так, словно Большой Зал вдруг исчез, и они остались вдвоём, сидя у небольшого уютного очага.

– Уилл, – ответил юноша. – Уилл Кемпен.

– Сын Элеоноры Кемпен.

– Вы знали мою мать? – По спине побежали мурашки, а сердце забилось быстрее от ощущения, похожего на то, которое возникло в гостинице «Белый Олень» рядом с Джастисом и Вайолет – ощущения, что его *видят насквозь*.

– Да, я знала её. Она была храброй. Думаю, она бы боролась до конца.

Уилл, который находился рядом с матерью в её последние минуты, почувствовал нарастающий трепет и усилием воли подавил его, заставив себя успокоиться.

– Ты приобрёл влиятельного защитника в лице Джастиса, – проговорила пожилая женщина. – Он – самый сильный из нас и не так уж часто обращается с просьбой к Совету.

Женщина смотрела на юношу так, словно видела не только его лицо, а нечто гораздо большее. Уилл вспомнил, что Джастис говорил о том, кто мог бы им помочь, кто наделён всей древней мудростью Хранителей, и вдруг понял...

– Вы – Старейшина.

– Здесь ты в безопасности, Уилл, – произнесла она. – Мы – Хранители. Наш священный долг – сражаться с Тьмой.

– В безопасности, – повторил он.

«Никто из нас не в безопасности» — так говорил Джастис.

Волосы Старейшины были белоснежными, как её одежды, как гигантские колонны из белого мрамора, поднимавшиеся к сводчатому потолку, и это делало собеседницу похожей на часть Большого Зала.

– Это – Чертог Хранителей. – Женщина жестом обвела помещение. – Когда-то он назывался Чертогом Королей. А также другими именами: Неугасимая Звезда и её светоч, Последнее Пламя. Давным-давно это место было последним оплотом в войне против Тёмного Короля, – она говорила, и её голос оживлял древние образы перед внутренним взором. – Теперь слава Чертога померкла, и солнце его почти закатилось. И всё же он выстоял и выстоит, куда мы несём дозор в затянувшихся сумерках, оберегая мир от наступающей тьмы. Саймон может быть сильнее снаружи, но под защитой этих стен никто не в состоянии бросить нам вызов.

Уилл помнил, как Хранители отгоняли тьму, как мчались по болоту строем белого света. Они были уверены в своей власти на собственной земле, и Оставшиеся убоялись их.

Джастис рассказывал об этом месте.

«Огни мира гасли один за другим, доколе не остался лишь светоч – Последнее Пламя. Оставшиеся борцы с тьмой собрались рядом с ним на последний бой...»

Здесь, в этом самом месте! Уилл с трепетом и изумлением осмотрелся, окинул взглядом древние колонны и четыре пустующих трона. Чертог стоял, когда его народ уже обратился в прах, канул в тишину веков, а его истории позабыли...

Но если это и была последняя цитадель, то всё, о чём рассказывал Джастис, являлось правдой. Уилл находился в том самом Чертоге, который пережил последнюю битву.

«Единственное место, которое Тёмный Король так и не сумел завоевать...» — промелькнула в сознании мысль.

– Тут всё кажется знакомым, правда? – проговорила Старейшина. – Слово ты уже бывал здесь раньше.

– Откуда вы знаете?

– Послушники иногда чувствуют то же самое, – ответила она. – Но не только Хранители однажды ходили по этим залам.

Уилла снова захлестнуло ощущение, что его окружили призраки хорошо знакомого места, которое больше не существовало. Он как будто смотрел на кости великого древнего зверя, который больше никогда не будет бродить по этому миру.

– Но откуда это чувство узнавания? – проговорил он. Нечёткие воспоминания, заполнявшие разум Уилла, стали почти болезненными. – Кто эта женщина с медальоном на шее? Это как-то связано с мамой, да? Почему Саймон преследовал её... преследовал меня?

Взгляд Старейшины был устремлён на юношу.

– Твоя мать никогда не рассказывала тебе?

Его сердце неистово забилося, словно он снова оказался в Боухилле, словно угасающий взгляд матери снова оказался прикован к нему. *«Дай мне слово, Уилл...»*

– Она говорила, что мы уехали из Лондона, потому что устала от города. Каждый раз, когда мы покидали новое место, она говорила: пора двигаться дальше. И никогда не рассказывала ни о магии, ни о той леди в зеркале.

– Стало быть, ты не знаешь, кто ты.

Старейшина испытующе посмотрела на собеседника, точно заглядывала ему в душу, точно видела всё. Точно она тоже наблюдала за событиями в Боухилле, за бегством Уилла, за происшествием в доках Лондона, за Мэтью, передавшим медальон, и за тем страшным мигом на корабле, когда юноша потянулся за Осквернённым Клинком.

Когда пленник только шагнул в Большой Зал, ему казалось, что он попал на суд. Теперь же создавалось ощущение, что Старейшина словно взвешивает чужака. Уилл внезапно понял: он отчаянно желает, чтобы пожилая женщина увидела в нём именно то, что хотела увидеть.

«Пожалуйста...» – мысленно взмолился он, сам не понимая, о чём просил, и зная лишь, что почему-то её одобрение очень важно.

Наконец Старейшина откинулась на спинку стула.

– Мы не приводили сюда чужаков с тех самых пор, как магия впервые явилась на защиту Чертога, – сказала Старейшина, похоже, придя к какому-то решению. – Но я предлагаю тебе убежище, если захочешь остаться. Тогда ты найдёшь ответы на вопросы, которые терзают тебя... Но предстоит многому научиться, и возможно, однажды ты пожалеешь, что узнал истину. Нас ждут нелёгкие времена, – спустя мгновение её глаза потеплели. – Но даже в самую тёмную ночь звезда сияет.

Уилл обвёл взглядом величественный зал, почётный караул Хранителей в белоснежных облачениях. За стенами Чертога ждал Саймон, безжалостная погоня, воющая на разные голоса тьма, невозможность довериться хоть кому-то или найти безопасное укрытие. Юноша посмотрел на напряжённую, встревоженную Вайолет со всё ещё связанными руками и сделал глубокий вздох.

– А моя подруга тоже может остаться? – спросил Уилл.

– Да, она тоже может остаться. – Старейшина чуть улыбнулась в ответ. – Освободите её.

– Но вы ведь не верите, что этот мальчик... что он может быть... – запротестовал Верховный Адепт, выступив вперёд.

– Кем бы он ни был, он всего лишь дитя. – Старейшина подняла ладонь, останавливая собеседника. – Всё остальное может подождать – ему нужен отдых.

– Это ошибка, – сказал Верховный Адепт.

– Доброта никогда не бывает ошибкой, – возразила пожилая женщина. – Для неё всегда должно остаться место в сердце.

* * *

Уилл смотрел на Вайолет и Джастиса, на их знакомые лица в этом незнакомом месте. Но когда приблизился к девушке, та вся подобралась и сказала:

– Рада, что тебе удалось уйти от погони.

– И я рад, что вы благополучно добрались, – ответил Уилл.

– Джастис, кажется, чуть себе что-то не потянул или не вывихнул, пока спешил за тобой в Чертог.

За всё это время в бегах никто никогда не волновался о нём. Уилл смотрел на мальчишеское лицо Вайолет, на мужские одежды, на то, с каким напряжением она теперь держалась.

Ему так о многом хотелось расспросить девушку – и о том, как они с Джастисом сбежали, и о том, каково ей теперь здесь, вдали от семьи. Но Уилл не мог, пока рядом стоял Джастис. Вайолет, казалось, поняла, бросила взгляд на Хранителя и снова посмотрела на Уилла, чуть кивнув. Тот повернулся к Джастису, которому был стольким обязан.

– Благодарю вас, – проговорил юноша. – Благодарю, что вступились за меня.

– Я обещал, что здесь вы найдёте пристанище, – Хранитель чуть улыбнулся. – Старейшина попросила адептов проводить вас в ваши комнаты.

– Комнаты?

– Я полагаю, ты устал, – сказал Джастис. – Поелику ещё не пришёл в себя после плена. И у тебя уже очень долго не имелось возможности отдохнуть. Позволь предложить защиту и гостеприимство Чертога, – он сделал приглашающий жест.

Рядом ждали две девушки в мантиях того же синего цвета, как и у Верховного Адепта. От них исходило то же благородство, та же потусторонняя сила, как и от Хранителей. Одна из адептов оказалась бледной, с веснушками и волосами цвета пшеницы. Другая, с чертами, будто высеченными скульптором, и кожей чуть темнее, чем у Леды, казалась немного выше.

– Меня зовут Грейс, – проговорила она. – Я служу Старейшине. Она велела приготовить комнаты для вас обоих.

Уилл снова посмотрел на Вайолет. Они оба были в грязи и – да, Джастис оказался прав – совершенно измучены. Когда Вайолет кивнула, юноша тоже выразил согласие.

Грейс повела гостей вверх по ступеням, за века сглаженным множеством ног. Лестница вилась спиралью и вела в ту часть Чертога, которая казалась необитаемой. По пути Уиллу удавалось лишь краем глаза взглянуть на внутренние дворы, коридоры и комнаты, многие из которых пришли в запустение. Померкшая красота вокруг напоминала затянувшийся алый закат, когда последние лучи над миром вот-вот угаснут.

Грейс, сопровождавшая их, держалась уверенно, явно чувствуя себя как дома в этом странном месте. Они поднимались по ступеням вдоль изгибающейся стены, похоже, в одной из тех башен, которые юноша видел издали, когда проезжал через врата. И снова его охватило чувство, словно он оказался в мире, намного превосходившем его самого.

Грейс остановилась перед какой-то дверью.

– Говорят, в древние времена гости останавливались в этой части Чертога, – проговорила она. – Но Хранители не принимают чужаков, и это крыло теперь стоит пустым. Старейшина велела, чтобы его снова открыли. А вот и твоя комната, – она кивнула Вайолет.

Вторая сопровождавшая выступила вперёд со связкой железных ключей в руках и выбрала тот, который подходил к замку.

На пороге Вайолет помедлила и обернулась к Уиллу. Он прекрасно понимал: после бега по болотам ей наверняка уже не терпелось смыть с себя грязь, но ночёвка у Хранителей всё равно была чем-то невероятно значимым.

Девушка медлила.

– Комната Уилла рядом?

– Да, следующая вверх по лестнице, – ответила Грейс.

– Хорошо, – Вайолет глубоко вздохнула и с благодарностью кивнула.

– Увидимся утром, – сказал Уилл.

Девушка бросила на него последний взгляд и скрылась за дверью.

Юноша повернулся к Грейс. Та жестом подозвала свою соратницу, и они прошли дальше по лестнице вдоль вогнутой стены.

– А вот эта комната – твоя, – сказала помощница Старейшины.

Они подошли к дубовой двери, выцветшей от времени. Поворот ключа – и та распахнулась.

– Старейшина Хранителей предлагает тебе отдохнуть и набраться сил, – проговорила Грейс, а потом обе девушки удалились, оставив Уилла одного в незнакомой обстановке.

Комната разительно отличалась от его жилища в Лондоне, маленькой каморки, где все спали на холодном полу, и едва хватало места вытянуться. Несмотря на добрые слова Старейшины, юноша отчасти ожидал, что окажется в тюремной камере или посреди холодных заброшенных руин. Дверь за ним захлопнулась, и он шагнул вперёд, не веря своим глазам.

Над головой высился сводчатый потолок с нервюрами¹⁰. Когда-то его окрасили, кажется, в голубой и серебристый, но сейчас цвета потускнели. Арки сходились к звезде, вырезанной в камне. Большие стрельчатые окна тянулись вдоль стен, а в дальнем конце помещения располагался огромный камин.

Кто-то развёл огонь и оставил зажжённую лампу на столике возле старинной кровати, которая казалась мягкой и тёплой. На покрывале лежала ночная сорочка, чтобы гость мог переодеться ко сну. У огня кто-то приготовил фланелевое полотенце, большой таз и серебряный кувшин с тёплой водой, чтобы Уилл мог помыться, если пожелает. А когда он подошёл поближе и поднял светильник, то увидел небольшой табурет, на котором стояла тарелка с ужином: свежий чёрный хлеб, мягкий белый сыр и кисть спелого винограда.

Мама, должно быть, мечтала о таком месте, где она находилась бы в безопасности от преследователей, а Хранители отгоняли бы тьму. «Это она должна быть здесь, не я...» Но мама так и не успела добраться под защиту этих стен, а предпочла забрать сына и бежать, бежать до тех пор, пока совсем не осталось сил. Уилл поднял руку, коснулся медальона, висевшего на шее.

Отблеск света из окна привлёк внимание.

Подойдя ближе, юноша увидел на дальних стенах мерцание огромного костра, который сиял, как тёплый огонёк свечи, и обещал безопасность, дом. Это был маяк, и Хранители оберегали его даже ночью. «Последнее Пламя» – так назвала его Старейшина. Оно горело веками – горело до самого конца, пока не осталось единственным светочем.

На миг Уилл явственно представил армии Тьмы. Они смыкали строй вокруг Чертога, а на стенах сияло единственное непоколебимое пламя. Юноша долго стоял и смотрел на него.

Позже, когда Уилл помылся, надел ночную сорочку и съел скромный ужин до последней крошки, он лежал в кровати, прижимая к груди тёплый медальон Госпожи. Через некоторое время мысли незаметно перетекли в сон, в котором юноша бродил по этим же залам, только давным-давно, а рядом шла женщина из отражения. Она обернулась, глядя на Уилла маминими глазами, и в следующий миг её лицо вдруг исказилось, изменилось.

А там, где стоял Чертог, не осталось ничего – только великая тьма, бледный венец и горящие чёрным пламенем глаза. Они становились всё ближе и ближе, но Уилл не мог сбежать. С криком он пробудился, уставился на резную каменную звезду и ещё очень нескоро сумел снова заснуть.

¹⁰ Нервюра – в готической архитектуре выступающее ребро каркасного крестового свода.

Глава 10

Вайолет разбудили звон колоколов и утренние песнопения, мелодичные, как гимны церковного хора в монастыре. Эта музыка вплеталась во сны, убаюкивая и вместе с тем заставляя бодрствовать. Но что-то в многоголосии казалось странным. Сам язык звучал незнакомо – не латынь, намного древнее. И откуда взялось пение монахов вместо привычных криков и скрипа лондонских повозок? В следующий миг Вайолет всё вспомнила.

«Том не сможет войти в полную силу, пока не убьёт себе подобного...» Отец говорил так холодно, так буднично... Её решение бежать ночью по болотам с Хранителем по имени Джастис, который ненавидел Львов и пытался убить её брата...

Она находилась в Чертоге.

Вайолет резко села на кровати, окинула взглядом странную каменную комнату с высоким потолком, резным камином и стрельчатыми окнами в толстых стенах. Снаружи доносились голоса – часовые патрулировали периметр. А песнопения, которые девушка приняла за утреннюю молитву, служили частью какого-то здешнего ритуала.

Она находилась в окружении Хранителей, и каждый из них хотел её убить.

А на кухне дома в Лондоне наверняка уже готовили завтрак – горячую овсянку, бекон, яичницу или рыбу в масле.

Отец первым спустится к столу. И Том...

Знал ли брат, что Вайолет пропала? И – что ещё более страшно – знал ли обо всём остальном? Знал ли, почему отец вообще привёз её в Англию и что собирался сделать?

«Не нужно бояться, – прошлой ночью сказал ошеломлённой девушке Джастис, по-своему истолковав выражение её лица, когда она уставилась на огни Чертога. – Ни одно создание Саймона никогда не ступало за наши стены». Вайолет инстинктивно накрыла ладонью запястье, вспоминая, как отчаянно желала получить клеймо Саймона тем утром.

Когда гостью сопроводили внутрь стен, озарённых светом зажжённых факелов, Чертог уже гудел на разные голоса. Все обсуждали прибытие чужака, Уилла, и были настолько же шокированы прибытием Вайолет – ещё одного нежеланного гостя. Верховный Адепт Янник потребовал ответить, что случилось с остальными Хранителями.

Джастис опустил на одно колено, склонил голову и в торжественном старомодном жесте прижал к сердцу правый кулак.

– Там был Лев. Остальные мертвы.

«Они ненавидят Львов, – подумала Вайолет, заметив отвращение во взгляде Верховного Адепта при этих словах. Затем последовала ещё одна холодная пугающая мысль: – Что они сделают со мной, если прознают, что я – одна из тех, кого они так ненавидят?»

Вайолет резко поднялась. Комната, которую ей отвели, выглядела не столь великолепно, как Большой Зал, но теперь стала заметна странная потускневшая красота этого места: остатки фресок, нервюры резного потолка, арка балкона.

Снаружи доносились ритмичные команды и стройный хор голосов в ответ – там тренировались воины.

А потом Вайолет увидела то, что заставило её замереть, а сердце – учащённо забиться.

На сундуке возле кровати лежала форма – не сюрко и кольчуга, какие носил Джастис, а серебристо-серая туника схожего покроя с символом звезды на груди, шерстяные лосины¹¹ и мягкие сапоги. В таком наряде Хранители ходили, когда не облачались в доспехи для битвы.

¹¹ Лосины – или легинсы, разновидность мужских штанов обтягивающего фасона. С начала XVIII века были обязательным элементом военной формы. Изначально изготавливались из лосиной кожи, откуда и получили своё название.

Форма просто лежала там, как и сорочка, которую Вайолет надела прошлой ночью. Девушка окинула взглядом собственную одежду, сваленную в грязную мокрую кучу у камина. Натягивать всё это снова не особенно хотелось. И всё же...

Вайолет взяла тунику из какой-то неизвестной ткани, чистую, лёгкую, с вышивкой вокруг герба со звездой. Стежки выглядели тонкими, искусными. Когда девушка примерила одежду, то обнаружила, что та сидит идеально. Затянув ремень, надев лосины и сапоги, Вайолет поняла, что это облачение совсем не сковывает движений, а так свободно она не чувствовала себя даже в привычных шароварах и куртке. Возникло чувство, что этот наряд сшили специально для гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.